

ПРИЛОЖЕНИЕ
ПИСЬМА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ВЕЛИКОЙ АРМИИ
(октябрь-ноябрь 1812 г.)

№ 1

Bastier à Priest, huissier à Lagny (Seine-et-Marne)
Gjatsk, le 17 octobre 1812

Monsieur, je suis sur le point de quitter d'ici où je suis depuis quelques jours pour rejoindre le quartier général impérial avec une escorte considérable ; on est chaque minute sur le point d'être pris par les cosaques qui sont en grand nombre depuis Moscou et qui fréquemment pillent et assassinent notamment les courriers.

On est autant misérable ici qu'on puisse l'être dans un pays de désert, où il n'y a plus que le reste du feu et des flammes qu'ont mis partout en se sauvant les canailles de Russes. Il n'y a ni maison pour se mettre à l'abri, ni paille pour bivouaquer ; il faut aller à la maraude à des six ou huit lieues pour trouver les moyens de s'empêcher de mourir, et souvent il arrive qu'on prend le chemin le plus court du trépas. Messieurs les cosaques, qui sont partout, ne perdent pas une occasion de se venger.

Перевод

Бастие¹ к Присту, судебному исполнителю в Ланьи (деп.
Сена и Марна)

Гжатск 17 октября 1812

Господин, я провел тут несколько дней, а прямо сейчас уезжаю отсюда со значительным эскортом, чтобы присоединиться к императорской главной квартире. В любую минуту нас могут захватить казаки, которые в большом количестве расположились на подступах к Москве и часто грабят и убивают именно курьеров.

Мы здесь так несчастны, как это может быть в пустынной стране, в которой осталось лишь то, что уцелело в огне пожаров,

---

¹ Курьер главной квартиры Великой армии.

которые повсюду разжигают эти негодяи русские в надежде спастись. У нас нет ни дома, где можно было бы найти приют, ни соломы, чтобы устроить бивак. Приходится мародерствовать и для этого удаляться [от основного лагеря] на 6–8 лье, чтобы найти что-нибудь, что не даст умереть [с голоду], и часто этот поход оказывается кратчайшей дорогой к смерти. Господа казаки везде и не упускают возможности отомстить.

№ 2

N... à M. Lyautey, commissaire ordonnateur

De Moscou, nous sommes partis le 18 pour aller attaquer la position de Malojaroslavetz, afin de masquer notre mouvement de retraite sur Smolensk, mouvement qui est nécessaire pour vivre².

Перевод

Н к г-ну Лиотею, комиссару-ордонатору³

Из Москвы мы вышли 18 [октября] чтобы атаковать позицию [русских] у Малоярославца, чтобы замаскировать наше отступление на Смоленск, это движение было жизненно необходимо нам.

№ 3

Delécourt à sa femme, Nancy Delécourt, à Bruges

Au bivouac près Wiasma, 2 novembre [1812]

Tu auras sans doute reçu, ma chère amie, ma lettre qui t'annonçait que j'avais demandé à S.M. l'Empereur une place gratuite au lycée pour notre cher Edmond et que j'espérais beaucoup de réussir. J'ai appris très indirectement que le prince avait demandé pour moi le titre de baron, mais je n'en suis pas sûr, c'est pourquoi il ne faut en rien dire ; si cela m'était accordé avec la dotation, bien entendu, il faudrait convenir que j'aurais fait une superbe campagne, puisque mon sort serait assuré avec un bel état. Je t'avoue que j'en serais très flatté pour toi, ma bonne amie, parce que tu représenterais dignement une baronne et que dans une nouvelle société d'Hambourg tu n'aurais plus à condescendre à mille complaisances envers certaines dames. Pardonne à mes réflexions, je jase sans ordre dans mes nuits, c'est pardonnable à cause du temps et du lieu.

² Эта выдержка из письма была представлена Александру I в 1812 г. как демонстрация настроений, царивших в тот момент во французской армии. – Русская старина. 1907. Т. 131. С. 461.

³ Пьер Антуан Лиотей, военный комиссар 6-й дивизии Великой армии, выполнял поручения как сотрудник личной канцелярии министра военного снабжения.

Перевод

Делекур⁴ жене, Нэнси Делекур в Брюгге

Моя дорогая, без сомнения, ты уже получила мое письмо, в котором я сообщал, что попросил у его величества императора бесплатного места в лицее для Эдмона⁵ и что я очень надеюсь на успех. Я косвенно узнал, что князь⁶ якобы просил для меня титул барона, но я в этом не очень уверен, поэтому ничего и не могу тебе сказать. Если мне его жалуют вместе с дотацией, тогда, разумеется, можно будет считать, что я провел великолепную кампанию, поскольку моя судьба будет обеспечена хорошим состоянием. Признаюсь тебе, я бы очень хотел этого для тебя, моя дорогая, поскольку ты бы стала достойной баронессой, и тогда в новом обществе Гамбурга тебе не придется уже быть столь услужливой по отношению к некоторым дамам. Прости за мои размышления, я без толку болтаю по ночам, это простительно, если принять во внимание время и место.

№ 4

Fesquet, intendant de Mohilew, à sa mère.

Mohilew, le 3 novembre [1812].

Ma chère et bonne maman, voilà un siècle que je n'ai reçu de lettres. Nous voilà tout à fait en hiver ; il gèle, il neige, il pleut, et l'on ne sort plus à pied, ni sans fourrure. Heureusement que j'ai à mes ordres une bonne voiture. Je suis équipé comme un prince, mais que mon père soit en repos, c'est une galanterie de mon gouvernement qui nous a donné au gouverneur et à moi une voiture toute montée. Les fourrures qu'on trouve ici sont peu belles, mais fort chères. Quand tout sera plus tranquille, j'espère qu'il en viendra de Moscou. Nous avons dans Mohilew trois couvents : les Jésuites, les Carmélites et les Bernardins. Nous avons tous les dimanches messe militaire chez les Carmélites Il y a une grande quantité d'églises grecques, surtout une qui est très belle par ses peintures et qui fut construite par Catherine II lors de sa célèbre entrevue avec Paul I dans la capitale de son gouvernement.

⁴ Жозеф Эдмон Делекур, родился 4 сентября 1773 г. в Аррасе инспектор смотров 10 августа 1812 г. по приказу князя Экмюльского назначен военным интендантом, вышел в отставку в 1820 г., скончался 20-го, а его жена 22 января 1832. Жена – урожденная Анна Тереза Франсуаза Одевер.

⁵ Эдмон Делекур, родился 1802 г. в Брюгге, умер в 1851 г. в чине капитана 2-го полка карабинеров.

⁶ Имеется в виду маршал Даву, князь Экмюльский.

Перевод

Феске⁷, интендант Могилева, матери
Могилев, 3 ноября 1812

Моя дорогая мама, вот уже сто лет я не получаю от тебя писем. У нас уже совсем зима: мороз, идет снег, дождь, и больше не выйти на улицу пешком или без шубы. К счастью, в моем распоряжении есть хорошая коляска. Я снабжен как князь, так что мой отец⁸ может быть спокоен, это так любезно со стороны моей губернии, которая предоставила губернатору⁹ и мне коляску, снабженную всем необходимым. Меха, которые здесь есть, не очень хороши, но очень дороги. Когда все немного успокоится, я надеюсь съездить за ними в Москву. В Могилеве есть три монастыря: иезуитов, кармелитов и бернардинцев. Каждое воскресенье у нас проходит военная служба в монастыре кармелитов. Здесь большое количество греческих церквей, выделяется одна с прекрасными росписями, которая была построена Екатериной II, в честь ее знаменитой встречи с Павлом I в столице ее губернии¹⁰.

№ 5

Jubinal à Couffille, notaire à Luz (Hautes-Pyrénées).
Au bivouac de Iaskowo, 3 novembre 1812.

Vous serez étonné, mon cher Couffille, comme je l'ai été moi-même en apprenant le malheureux sort de M. Trassens. Vous le croyiez à Riga et je L'y croyais moi-même d'après vous. Eh bien ! non ! il est à Moscou ; j'y suis resté plus d'un mois et je n'ai su que le dernier jour qu'il y était, et voici comment. Les 9/10e de cette ville ont été réduits en cendres dès les premiers jours de notre entrée. Parmi les habitants que nous y avons trouvés quatre ou cinq cents Français en faisaient partie. Tous ont été plus ou moins victimes de l'incendie et tous surtout étaient réduits à n'avoir pas de pain. Sur les réclamations qu'ils firent il leur fut donné des secours en argent, par ordre de l'Empereur. La liste de ces Français m'est tombée dans les mains et j'y ai lu le nom de J.-B. Trassens de Vici, âgé de 60 ans, instituteur en Russie depuis

⁷ Альфред Луи Мари Феске, барон де Болш, родился в Монпелье 23 мая 1771 г. Аудитор Государственного совета, чиновник Главной квартиры в качестве интенданта завоеванных провинций, служил в Могилеве. Вступил в армию в 1814 г., вышел в отставку в чине капитана Генерального штаба в 1832 г.

⁸ Жан Жак Феске, бывший судья окружного трибунала Монпелье, кузен графа Матье Дюма.

⁹ Генерал Маркиз д'Алорна.

¹⁰ Имеется в виду собор, построенный в 1780 г. Екатериной II в память о встрече в Могилеве с австрийским императором Иосифом II.

13 ans. Il n'y a pas de doute que ce ne soit pas là votre oncle. Ce n'est que le 18 octobre que j'ai pu voir cette liste et je suis parti de Moscou le 19. Un ou deux jours de séjour de plus, je me serais empressé de le voir et de lui parler. S'il était à Riga, il s'était donc éloigné de cette ville à l'approche de l'armée et il était venu se réfugier à Moscou, comme devant être plus en sûreté, car personne ne s'attendait à voir les Français s'emparer cette année de cette ancienne capitale de la Russie. Votre oncle doit être bien malheureux aujourd'hui, s'il a survécu à la destruction du reste de cette ville ; vous en ressentirez, je suis sur, ainsi que moi une bien grande peine !

Je vous écris cette lettre au bivouac sur mes genoux et dans la voiture, l'armée est en marche pour prendre ses quartiers d'hiver.

JUBINAL.

Перевод

Жюбиналь¹¹ Куфилю, нотариусу в Люз (Верхние Пиренеи)
Бивуак у Ясково 3 ноября 1812¹²

Мой дорогой Куфиль, вы, как и я сам, будете удивлены, узнав о несчастной судьбе г. Трассена. Вы полагали, что он в Риге, я и сам так думал. Но нет! Он в Москве. Я пробыл там [в Москве] более месяца и узнал об этом только в последний день. И вот как. Девять десятых этого города были обращены в пепел в первые же дни после нашего вступления [в город]. Среди жителей, которых мы там обнаружили, было 4 или 5 сотен французов. Все они в большей или меньшей степени являлись жертвами пожара, и все испытывали лишения, совершенно не имея хлеба. По приказу императора, в ответ на их ходатайства, им была выделена денежная помощь. Список этих французов попал мне в руки, и в нем я прочел имя Ж.Б. Трассена де Виси, 60 лет от роду, который служит учителем в России в течение 13 лет. Без сомнения, это может быть только ваш дядя. Однако я смог прочесть этот список только 18 октября, а 19 я уехал из Москвы. Если бы я пробыл там еще день-два, я постарался бы его увидеть и поговорить. Если он был в Риге, он вынужден был покинуть город при приближении армии и в поисках убежища прибыл в Москву как в более безопасное место, т.к. никто не предполагал, что французы в этом году захватят эту древнюю российскую столицу. Ваш дядя

¹¹ Чиновник Государственного секретариата. Помощник отдела протокола и учета Государственного секретариата.

¹² РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 5–6об.

теперь должно быть очень несчастен, если он пережил разрушение оставшейся части города. Уверен, что вы, как и я, переживаете очень большие мучения по этому поводу!

Я пишу вам это письмо на коленях в повозке, находясь на бивуаке, армия находится по пути на зимние квартиры.

Жюбиналь.

№ 6

Rayon à sa mère, Mme Rayon, rue de France, n° 13, Fontainebleau.
3 novembre 1812.

Ma chère mère, je vous écris du milieu des champs, c'est-à-dire sur mes genoux, dans la voiture qui m'a servi de maison depuis Paris. Je suis parti de Moscou le 19 octobre et j'ai toujours roulé depuis excepté le premier novembre, mais par les détours que j'ai faits je ne me trouve encore au bout de 16 jours de marche qu'à 60 lieues de Moscou. Dieu sait jusqu'où je suivrai cette bienheureuse route, pour moi je ne sais encore si je passe l'hiver aux environs de Vitebsk ou de Vilna, ou si je suis assez heureux pour revoir Eugénie, Mais comme ce n'est pas assez de cette incertitude pour me tourmenter, je souffre encore de la crainte d'être obligé de revenir l'année prochaine, car en supposant que je vous revoie cette année, je ne serai heureux que quand Eugénie m'aura obtenu de ne plus faire de pareilles corvées. Tout pauvres que nous sommes, je crois qu'elle préférera ainsi que moi la tranquillité à une aisance qui nous coûte tant de tourment.

Au milieu de toutes ces inquiétudes de l'esprit et de quelques privations du corps, je me porte toujours parfaitement bien, quoique je n'aie pas couché dans un lit depuis Metz, car je ne compte pas pour des lits les outils d'Allemagne où on couche entre deux lits de plume sans draps. J'ai pour les bons jours, ou mieux dire les bonnes nuits, un sac de toile qui me sert de draps. Mes coussins de maroquin complétaient mon lit de Moscou. J'avais pour couverture deux aunes de gros drap que j'ai achetées au commencement de la campagne ; mes habits et une pelisse de peau de mouton dont je me suis régalé à Moscou pour dix francs. C'est à quoi se sont bornés mes achats d'hiver et cela me suffit très bien.

Votre fils.

Перевод

Рейон¹³ матери, г-же Рейон, рю де Франс, п 13 Фонтенбло¹⁴
3 ноября

Моя дорогая мама, я пишу вам посреди поля, то есть на коленях в повозке, которая служит мне домом с того момента, как я покинул Париж. Я выехал из Парижа 19 октября и еду все эти дни, за исключением первого ноября, но мы сделали крюк, и поэтому к концу 16 дня похода мы удалились только на 60 лье от Москвы. Бог знает, сколько еще я буду ехать по этой благословенной дороге. Что касается меня, то я не знаю, проведу ли я зиму в окрестностях Витебска или Вильно, или мне так повезет, что я вновь увижу Эжени. Но меня терзает не только эта неопределенность, я страдаю также от страха, что обязан буду вернуться сюда в следующем году, т.к. предполагая, что увижу вас в этом году, я буду счастлив только в том случае, если Эжени разрешит мне не приниматься больше за столь трудную работу. Какими бы бедными мы ни были, я думаю, она предпочтет мой покой тому богатству, которое будет стоить нам стольких мучений.

Несмотря на все мои переживания и некоторые материальные лишения, я чувствую себя вполне хорошо, хотя и не спал в [нормальной] постели с тех пор, как выехал из Меца, так как спят между двумя перинами без белья. В лучшие дни или, точнее, в лучшие ночи холщовый мешок служил мне простыней. Сафьяновые подушки дополняли мою постель в Москве. В качестве покрывала я использовал кусок толстого сукна в два локтя [длинной], который купил в начале кампании, свою одежду и шубу из овечьей шкуры, за которую я в Москве заплатил десять франков. Вот чем ограничиваются мои покупки к зиме, и мне этого вполне достаточно.

Ваш сын.

№ 7

Rayon à sa femme, Mme Eugénie Rayon, à Meulan.
Yaskow, le 3 novembre [1812].

Il y a un mois, ma chère amie, que je t'écrivis d'ici après m'y être baigné, je ne m'y baignai pas aujourd'hui, quoiqu'il y ait encore des sources qui ne sont pas glacées, mais je répondrai à tes trois lettres. J'ai reçu les premières à Viasma. J'ai toujours l'espoir de retour aussi, je le conserverai tant que nous marcherons du même côté, mais le plaisir

¹³ Чиновник Государственного секретариата.

¹⁴ РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 17–18.

que je me promets ne peut pas s'appeler le bonheur tant que j'aurai la terrible inquiétude d'être obligé de revenir l'année prochaine. Ah ! je t'en prie, profite des bonnes dispositions que l'on te témoigne pour tâcher d'obtenir qu'il n'y ait plus de voyages de ce genre-là pour moi. Il me semble, tant j'en suis dégoûté, excédé, que j'aimerais mieux n'en jamais faire à Saint-Cloud ou ailleurs que de les acheter par une nouvelle corvée pareille. Je ne puis pas de si loin t'en expliquer tout l'ennui, mais tu peux m'en croire sur parole. Parles-en souvent à la demoiselle qui te témoigne tant d'amitié. Représente-toi que tu ne peux pas retourner chez tes parents chaque fois que je serai en voyage, que comme nous n'aurons pas de domestique, il faudrait donc que tu restasses toute seule dans une chambre à Paris, ce qui n'est pas praticable. Que je serais heureux si un peu plus loin du soleil j'étais employé dans une division. Celle de l'expédition me plairait le plus à cause de son chef M. Vergniaud, celle du Répertoire, pour le genre de travail qui est plus réglé que dans toute autre. Dans celle-là on ne fait que les petits voyages. Je n'entends pas dire par là que je les ferai puisqu'il n'y a que M. Husson et M. Berlin qui les font ; mais au moins je serai sûr de ne pas faire les grands. J'entrerai à défaut de cela avec plaisir dans la division de Correspondance dont les chefs sont MM. Labiche et Durand, mais la division des « Procès-verbaux » ! J'aimerais autant rester où je suis, non pas à cause de M. Billet, mais à cause de la nature de l'ouvrage. Il n'en coûte rien de dire son goût ; comme tu vois je ne serai pas fâché que tu fisses de temps en temps tomber la conversation avec cette demoiselle sur ce projet. A force même de lui en parler elle en parlera peut-être elle-même. Je ne serai même pas fâché que tu fisses une visite à M. Vergniaud pour lui demander son avis. Tu lui présenteras qu'où je suis je n'apprends rien, que si au bout de quelques années on voulait me donner de l'avancement, ce ne pourrait être que dans une division, qu'il faut savoir la marche même des choses les plus simples et que je désirerais autant pour ma tranquillité présente que pour mon avantage futur être attaché à une division. — Je t'embrasse.

Перевод

Рейон жене, г-же Эжени Рейон в Мёлан¹⁵

Ясково, 3 ноября¹⁶

Моя дорогая, месяц назад я писал тебе отсюда перед тем,

¹⁵ Коммуна в департаменте Сена и Уаза (в настоящий момент входит в департамент Ивелин) на севере центральной части Франции, является частью региона Иль-де-Франс.

¹⁶ РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 19–20.

как искупаться, сегодня я тут не купаюсь, хотя тут еще были источники, которые не замерзли, но я отвечу на три твоих письма. Я получил их [письма] в Вязьме. У меня все еще есть надежда вернуться, и я сохраню ее, поскольку мы идем по тем же местам [что и в начале кампании]. Но удовольствие [видеть тебя], которое я себе обещаю, нельзя назвать счастьем, поскольку я очень боюсь, что в следующем году мне придется вернуться [в армию]. Ох! Я прошу тебя, воспользуйся хорошим расположением к себе, которое ты имеешь, чтобы попытаться добиться того, чтобы у меня больше не было поездок вроде этой. Мне кажется, что они мне очень надоели, я измучен, я предпочел бы никогда не работать в Сен-Клу или где-то еще, чем опять получить подобное задание. Я не могу тебе отсюда издалека объяснить все затруднения, но можешь поверить мне на слово. Говори об этом почаще той девушке, которая столь дружна с тобой. Представь себе, что ты не смогла бы навещать своих родителей каждый раз, когда я отправляюсь в поездку, что у нас не было бы прислуги и ты вынуждена была бы оставаться совсем одна в комнате в Париже, что совершенно неосуществимо.

Что сделало бы меня счастливым, так это если бы я устроился на службу в какой-нибудь отдел подальше от солнца. Мне больше понравилось бы в экспедиции из-за ее руководителя г-на Вернио¹⁷, или в комитете реестра¹⁸, из-за порядка работы, который куда более регламентирован, чем в других [отделах]. К тому же здесь надо будет совершать лишь небольшие поездки. [Во всяком случае] Я не слышал о том, чтобы там ездили столько, сколько я сейчас, во всяком случае, как я работают только Уиссон и Бертен. И, во всяком случае, я буду уверен в том, что они [поездки] будут непродолжительными. Если не получится поступить сюда, то я с удовольствием пойду в отдел корреспонденции, который возглавляют Лабиш и Дюран, но не в отдел протоколов. Я также хотел бы остаться там, где я сейчас, не из-за г-на Билле¹⁹, но из-за характера работы. Ему нетрудно будет замолвить слово. Как видишь, я не сержусь на то, что ты время от времени обсуждаешь с этой девушкой мой проект. И даже благодаря тому, что они общаются, она сама, может быть, расскажет ему об этом. И я также не буду сердиться, если ты съездишь к г-ну Вернио, чтобы узнать его мнение. Ты ему расскажешь, что там, где я сейчас, я ничему не на-

¹⁷ Один из заместителей начальника Экспедиции Государственного секретариата.

¹⁸ Комитет Реестра, руководитель – г-н Уиссон.

¹⁹ Глава отдела Протокола и учета Государственного секретариата.

учусь и что, если по прошествии нескольких лет мне захотят дать повышение, это может произойти только в отделе, работу которого мне надо будет знать вплоть до самых элементарных действий, и что я бы очень хотел также, для моего нынешнего спокойствия и будущего успеха, быть связанным с каким-либо отделом [Государственного секретариата].

Обнимаю тебя.

№ 8

Ballard à sa femme, Mme Ballard, née Ballard, à Autun (Saône-et-Loire).

Du milieu de la Russie, à 5 lieues de Dorogobouje
le 3 novembre 1812.

On me permet de te mander que nous opérons notre retraite, je ne sais jusqu'où. Nous couchons depuis 20 jours au milieu des champs, à 6 pouces de glace. Je me porte assez bien, malgré toutes les privations dont la famine de Paris n'était qu'une miniature. Nous vivons de bouillie, lorsque nous avons de la farine ou du seigle que nous broyons nous-mêmes entre deux pierres. Avec cela et un peu de sucre nous nous soutenons vaille que vaille. Je t'écrirai quand nous aurons des postes. Celle-ci doit te parvenir par estafette. Je vous aime tous et vous embrasse chaudement malgré le froid qui gèle les doigts en plein air. В.

Перевод

Баллар жене, г-же Баллар, урожденной Баллар
В Отен (Сона и Луара)
Посреди России, 5 лье за Дорогобужем.
3 ноября

Позволь мне сообщить тебе, что мы производим отступление, и я не знаю, насколько далеко [мы пойдем]. В течение 20 дней мы спим посреди поля на льду толщиной в 6 дюймов. Чувствую себя вполне хорошо, несмотря на все лишения, по сравнению с которыми голод в Париже суший пустяк. Мы питаемся кашей, когда у нас есть мука или рожь, которую мы сами толчем между двумя камнями. Это и еще небольшое количество сахара нас и поддерживает кое-как. Я напишу тебе, когда у нас будет почта. Это письмо дойдет до тебя с помощью эстафеты. Люблю вас всех и целую горячо, несмотря на холод, который замораживает пальцы под открытым небом. Б.

№ 9

Edouard, de Ribeaux à son père, à Orthez (Basses-Pyrénées).

3 novembre 1812. Mon cher papa, à treize lieues d'une ville qui se nomme Wiasma et à six d'une autre qui s'appelle Dorogobouje, il est une maison environnée de palissades et qui sert de maison de poste pour le service français. Devant ce bâtiment se trouve un étang couvert de trois pouces de glace ; une belle forêt de bouleaux le sépare de la grande route ; une vaste allée percée vis-à-vis la maison sépare les bois et donne à celle-ci l'aspect du chemin. L'Empereur loge dans le poste fortifié, et votre fils, placé sur deux arbres qu'on vient d'abattre, goûte en ce moment en vous écrivant un des plaisirs auxquels il est le plus sensible.

Je savais votre retour des eaux, je savais que vous en aviez ressenti le plus heureux effet ; j'ai éprouvé la plus grande satisfaction en vous l'entendant répéter. Mais, de grâce, ne gêtez pas le bien que les eaux vous ont fait. Soyez tranquille sur mon compte ; Je me porte fort bien, c'est tout dire.

Je suis attaché au petit quartier impérial ; je n'ai encore manqué de rien de nécessaire depuis mon départ de Moscou. Je voyage à cheval avec l'ordonnateur en chef du quartier impérial, qui est un ami de mon oncle, et avec l'ordonnateur des hôpitaux de l'armée, dont je suis l'adjoint. Je ne passe jamais deux jours sans voir M. Daru, ou pour mieux dire je me trouve toujours au même lieu que S. E. Pendant mon séjour à Moscou j'ai dîné chez lui tous les jours et depuis deux jours j'y fais deux repas, l'un à six heures du matin et l'autre à huit heures.

La bonne étoile de l'Empereur nous donne, depuis que je suis en Russie, le plus beau temps possible. Depuis dix jours le temps s'est mis à la gelée, il fait bien froid, le vinaigre gèle. Nous avons cependant tout le jour le plus beau soleil possible ; il est trois heures après-midi, je suis en plein air sans la moindre peine, et si mon écriture n'est pas plus ferme, cela vient de ce que j'écris sur mes genoux. Mes finances sont en fort bon état ; j'ai deux chevaux de selle et un domestique. Mon cheval est fort beau, grand trotteur, chose très utile dans un pays où, lorsqu'on est isolé, on peut se trouver exposé à être poursuivi par des cosaques, troupe légère, qui voltige de part et d'autre. Jusqu'à ce moment je n'en ai pas aperçu un seul. Il est vrai que je voyage toujours au milieu de quelque corps d'armée, et qu'ils n'approchent jamais lorsqu'ils voient que l'on est en mesure de défense. Mais il peut se trouver telle ou telle occasion où l'on est bien aise de pouvoir compter sur les jambes de son cheval. Rassurez ma chère Caroline, je n'étais pas à l'affaire du 7. Je ne suis passé sur le champ de bataille que huit

ou dix jours après. J'avais déjà vu celui de Smolensk, j'y étais un peu accoutumé. Je suis descendu de voiture pour aller voir les redoutes et les positions redoutables que les Français avaient enlevées d'autant plus glorieusement qu'elles ont été parfaitement défendues. J'ai eu un regret, celui de ne pas aller visiter la plus grande, mais cela se trouvait un peu éloigné de la grande route et une chute que je venais de faire ne me permettait pas de marcher autant que je l'aurais désiré. En montant une côte assez rapide, un cheval de la charrette dans laquelle j'étais s'emporta et me jeta dans des ravins au lieu de suivre la route. La voiture tombe sur moi, et j'en fus quitte pour une douleur à la jambe qui disparut quelques jours après. Voilà le seul accident qui me soit arrivé ; si jamais j'écris mon voyage, je serai obligé d'user du privilège des voyageurs : il est ridicule de partir de Paris pour aller à Moscou et de ne pas se casser une jambe au moins.

Je remercie Laure de son aimable lettre et de ses bons conseils. Je n'ai pas encore eu l'occasion d'en user, quoique j'aie déjà eu bien froid aux pieds. Je couche presque toute la nuit à la belle étoile et je dors comme Laure dans son lit, à cela près cependant que je suis à cheval avant qu'elle se soit réveillée. La terre me sert de matelas, un porte-manteau d'oreiller. Mon ordonnateur me prête une de ses pelisses. J'en ai une dont je me trouve séparé, parce que mon domestique, dont le cheval est fort chargé, ne peut pas aller aussi vite que moi. J'ai aussi une belle peau de renard rouge, mais elle est en pièces ; j'en ferai une belle redingote quand je trouverai du drap et un tailleur.

Mon oncle et ma tante m'écrivent souvent ; j'ai déjà reçu trois lettres de mon oncle et autant de ma tante. Il est impossible d'écrire avec plus de bonté. Ils n'écriraient pas autrement à Henri ou à Gaston. Les sollicitudes de ma tante sont celles qu'aurait ma mère ; elle craint qu'il me soit arrivé des accidents, que les fatigues ne me nuisent, que je ne manque d'argent ; elle pense à tout et cherche à remédier à tout.

Je vous répète pour votre tranquillité et pour rendre hommage à la vérité, je suis fort bien, fort aise d'être ici, fort aise d'avoir commencé par une campagne difficile et pénible. Je prends bravement mon parti et quand je considère ma position et celle de plusieurs de mes camarades, je ne peux m'empêcher de convenir que je suis mille fois plus heureux. Ma seule peine vient des inquiétudes que vous donne mon éloignement ; je sais qu'elles vous font du mal. Pourquoi en avoir ? Pourquoi ne pas être tranquille, puisque je suis aussi bien qu'il est possible d'être ? Je suis au milieu d'amis de mon oncle ou du moins de gens qui auront soin de moi pour faire leur cour à Son Excellence, si des circonstances effaçaient tout autre motif.

Le temps se refroidit, le jour tombe, le froid aux pieds me gagne, je commence à tousser ; par amour pour vous je finis ma lettre. Il me semble voir Laure, Caroline et maman me croire mort. Qu'elles se tranquilisent, j'ai fait aujourd'hui deux repas en plein air, j'espère dans deux heures en faire un troisième et dormir auprès du feu comme dans le lit aux rideaux duquel mes sœurs avaient tissé la frange. Je les embrasse de tout mon cœur ; j'embrasse mille fois maman, je vous embrasse mille fois ; mes souvenirs bien tendres au grand cousin, à sa belle moitié et à mes jeunes cousines.

Que dit Henri de Sault, que fait-il ? Je pense souvent à lui et je le prie d'assurer de mon respect sa mère, son père, sa tante, son oncle, Je n'ai pas encore écrit à Zoraï ; j'attends le moment que je me trouverai deux jours de suite dans le même endroit.

Je l'embrasse en attendant. Bonsoir.
de Ribeaux.

Перевод

Эдуар де Рибо²⁰ отцу²¹ в Ортез (Нижние Пиренеи)²²
3 ноября 1812

Мой дорогой отец, в тринадцати лье от города, который называется Вязьма, и в шести от другого, который называется Дорогобуж, есть дом, обнесенный частоколом, который служит французской почтовой станцией²³. Около этого строения есть пруд, покрытый тремя дюймами льда, красивый березовый лес отделяет его от большой дороги. Широкая аллея проходит перед домом между деревьями, открывая вид на дорогу. Император остановился на укрепленной почтовой станции, а ваш сын разместился на двух деревьях, которые были срублены только что, и наслаждается в этот момент написания вам письма одним из самых приятных занятий.

Я знаю, что вы вернулись с вод, и знаю, что вы получили [от лечения] наилучший результат. Я получил наивысшее удовольствие и хочу, чтобы вы повторили поездку. Но, будьте добры, не разрушайте положительный эффект, который вам принесла поездка на воды. Будьте спокойны на мой счет. Я в полном порядке, и этим все сказано.

²⁰ Жак Мари Эдуар Рибо 9 января 1790 – 22 августа 1853 г., родился в Ортезе, в 1812 г. временный заместитель военного комиссара.

²¹ Жан Батист Рибо, его жена – Жанна Фаже.

²² РГАДА Ф. 30. Д. 267. Л. 15–16.

²³ Это, скорее всего, Ясково.

Я служу при Малой императорской квартире. Со времени выхода из Москвы я не испытывал недостатка ни в чем необходимом. Я путешествую верхом вместе с верховным распорядителем императорской квартиры, который является другом моего дяди²⁴, и распорядителем армейских госпиталей²⁵, адъютантом которого я являюсь. Не проходит и двух дней, чтобы я не виделся с г-ном [Пьером] Дарю,²⁶ точнее говоря, я нахожусь в том же месте, что и его превосходительство. Во время пребывания в Москве я каждый день обедал у него, а в течение двух дней я дважды питался у него, один раз в шесть утра, а другой – в восемь вечера.

Счастливая звезда императора дала нам, на протяжении всего пребывания в России, наилучшую погоду. Уже десять дней заморозки, и очень холодно, уксус замерз. Каждый день у нас ярко светит солнце, сейчас три часа после дня, а я нахожусь под открытым небом и не испытываю никаких затруднений, и если мой почерк не очень твердый, то это потому, что я пишу на коленях. Мои финансы в полном порядке. У меня есть две верховые лошади и один слуга. Лошадь у меня хорошая, быстрая, а это полезное качество в стране, где, когда окажешься один, можно подвергнуться опасности нападения казаков, легких отрядов, которые появляются с любой стороны. До сих пор я не заметил ни одного из них. Правда, я путешествую все время в середине какого-нибудь армейского корпуса, а они никогда не приближаются, если видят, что к обороне готовы. Но можно найти тот или другой благоприятный момент, когда можно легко пересчитать их со своей лошади. Убедите мою дорогую Каролину, что я не участвовал в деле 7 числа²⁷. Я проезжал через поле битвы только восемь или десять дней спустя. Я уже видел поле сражения под Смоленском, и немного привык [к подобному зрелищу]. Я вышел из коляски и пошел посмотреть редуты и грозные позиции, которые французы захватили со славой, несмотря на то что их великолепно обороняли. К сожалению, я не поехал смотреть самый большой из них, т.к. он расположен довольно далеко от большой дороги, и случайное падение не позволило мне отправиться туда, куда я хотел. Взобравшись на холм довольно быстро, одна из лошадей повозки, в которой я ехал, понесла и сбросила меня в

²⁴ Барон Луи Жуанвиль.

²⁵ Лоран Франсуа Труссе, военный комиссар, умер в российском плену в Мариам-поле.

²⁶ Государственный секретарь, дядя Э. Рибо.

²⁷ Имеется ввиду Бородинское сражение, которое произошло 7 сентября.

овраг, вместо того чтобы везти по дороге. Повозка упала на меня, и я вынужден был ее покинуть с болью в ноге, которая прошла через несколько дней. Вот единственное происшествие, которое со мной случилось. Если когда-нибудь я опишу свое путешествие, я должен буду воспользоваться преимуществом путешественника, это смешно выехать из Парижа, чтобы добраться до Москвы и хотя бы не разбить колено.

Благодарю Лауру за ее любезное письмо и хорошие советы. У меня еще не было возможности ими воспользоваться, хотя ноги у меня уже мерзли. Я ложусь практически каждую ночь под открытым небом и сплю как Лаура в своей постели, кроме тех случаев, когда я оказываюсь верхом на лошади, когда она еще не проснулась. Земля служит мне матрацем, а шинель – подушкой. Мой ординарец одолжил мне одну из своих шуб. У меня тоже есть одна [шуба], которую я должен был отдать, потому что мой слуга, лошадь которого тяжело нагружена, не может идти так же быстро, как я. У меня также есть прекрасная рыжая лисья шкура, но она в багаже. Я сделаю замечательный сюртук, когда найду материал и портного.

Мои дядя и тетя²⁸ часто мне пишут, я получил уже три письма от дяди и столько же от тети. Невозможно писать с большей добротой [чем они]. Так они писали бы Анри или Гастону²⁹. Моя тетя заботится обо мне, как родная мать, она боится, чтобы со мной не произошел несчастный случай, чтобы трудности не причинили мне вреда, чтобы я не нуждался в деньгах, она думает обо всем и старается во всем помогать.

Скажу еще раз, чтобы вас успокоить и чтобы клятвенно заверить в истинности того, что со мной все хорошо, я очень рад быть здесь, очень рад начинать [службу] с трудной и утомительной кампании. Я храбро встречаю свою участь, и, когда смотрю на свое положение и положение многих моих товарищей, я не могу воздержаться от признания того, что я в тысячу раз счастливее их. Единственное, что огорчает меня, – это ваши волнения из-за того, что я нахожусь [так] далеко, я знаю, что они причиняют вам боль. К чему они? Почему нельзя быть спокойным, ведь мне так хорошо, насколько это вообще возможно? Я окружен друзьями

²⁸ Жан Жак Фаже де Бор, один из председателей императорского двора, докладчик Комитета по спорным вопросам (les affaires contentieuses) Главного интендантства имуществ Короны, был женат на Мари Софии Дарю, одной из одиннадцати детей Ноэль Дарю, сестре графа Пьера и барона Мартиаля.

²⁹ Анри Фаже де Бор – их старший сын. Жан Батист Клемент Гастон – в тот момент курсант инженерной школы в Меце.

моего дяди или, по крайней мере, людьми, которые заботятся обо мне, чтобы проявить уважение к его превосходительству, если, в силу обстоятельств, иных причин нет.

Холодает, день заканчивается, и ноги мерзнут, я начинаю кашлять. Из любви к вам я заканчиваю письмо. Мне кажется, что Лаура, Каролина и мама уже думают, что я мертв. Чтобы их успокоить, я ел сегодня дважды под открытым небом и надеюсь через два часа поесть в третий раз и заснуть у огня как в кровати, к пологу которой мои сестры пришили бахрому. Целую их от всего сердца, целую маму тысячу раз, передавайте от меня искренний привет старшему кузену и его прекрасной половине, а также моим младшим кузинам.

Что рассказывает Анри де Сольт³⁰, что он делает? Я часто о нем думаю и прошу передать ему мои искренние пожелания его матери, отцу, тете и дяде. Я еще не писал Зораи, я жду момента, когда у меня будет два дня, которые я проведу в одном и том же месте.

Целую и жду. Доброго вечера.
де Рибо

№ 10

Alphonse de Vergennes à son père, Frédéric de Vergennes, chez M. Louis de Vergennes, hôtel des douanes impériales, rue Bergère n° 16, faubourg Montmartre,

Paris.

Oulianovitschi, le 4 novembre [1812].

Depuis que je ne t'ai écrit, mon cher ami, il nous est arrivé tant d'événements désagréables que je suis trop heureux de jouir de quelques instants de tranquillité pour te mettre un peu au courant. Il faut que je remonte un peu haut. Tu sauras donc que le 18 octobre nous étions encore à Polotsk avec notre petit corps d'armée, fort de 20.000 hommes ; mais depuis quelque temps l'ennemi ayant reçu des renforts se trouvait avoir 52.000 hommes sous les armes, et avec ce renfort, fier de sa supériorité il nous chagrinait continuellement. Enfin, le 18 octobre il se décida à attaquer et à prendre Polotsk. M. le maréchal Gouvion Saint-Cyr fit la plus belle défense et tint pendant quatre jours avec une résistance qui peut passer pour le plus beau fait d'armes de l'armée française, mais enfin nous fûmes obligés d'évacuer et nous quittâmes les bords de la Dwina, poursuivis continuellement. L'ennemi perdit dans cette défense 18 à 20.000 hommes.

³⁰ Анри Даррак-Винь де Сольт, служил в 3-м полку почетной гвардии, вышел в отставку в 1819 г. в чине лейтенанта кавалерии.

Etant trop faibles pour tenir seuls la campagne, nous cherchâmes à nous retirer sur le corps du maréchal Victor et malgré l'armée russe, nous le joignîmes il y a quatre jours. Dans notre retraite notre division a eu de très brillantes affaires de cavalerie et plusieurs fois nous avons fait voir aux Russes que nous étions peu, mais bons ; nous avons beaucoup souffert, mais le passé s'oublie et ne devient pénible que par les souvenirs tristes et affligeants qu'il nous laisse ; nous regrettons tous le colonel Lebrun, fils cadet du prince architresorier, jeune homme de la plus grande bravoure et de la plus grande espérance.

Je t'embrasse, A. V.
De la Grande Armée

Перевод

Альфонс де Верженн³¹ отцу, Фредерику де Верженну³², у Луи де Верженна³³, резиденция императорской таможни, рю Бержер № 16, предместье Монмартр, Париж³⁴.

Ульяновичи, 4 ноября.

За то время, что я не писал тебе, мой дорогой друг, с нами произошло столько неприятных событий, что я очень рад уделить несколько спокойных мгновений тому, чтобы немного ввести тебя в курс дела. Ты знаешь, что 18 октября наш небольшой армейский корпус, численностью в 20 000 человек, располагался еще в Полоцке. Но через некоторое время враг получил подкрепления, и его силы стали насчитывать 52 000 вооруженных солдат. С этими подкреплениями, гордый своим превосходством, он постоянно нас беспокоил. Наконец, 18 октября он решил атаковать и взять Полоцк. Г-н маршал Гувьон Сен-Сир³⁵ оборонялся наилучшим образом и держался в течение четырех дней, и его сопротивление можно считать наиболее славным подвигом французской армии, но в конце концов мы были вынуждены эвакуироваться и покинули берега Двины, постоянно подвергаясь нападениям. Враг по-

³¹ Альфон Жан Мари Гравье де Верженн, капитан, адъютант генерала Думерка, вышел в отставку в 1837 г. в чине подполковника генерального штаба.

³² Согласно акту о крещении его звали Жан Шарль, барон де Верженн, генерал-лейтенант (maréchal de camp), в отставке с 1791 г. *Letters interceptées par les Russes*. P. 196.

³³ Луи Жан Мари граф де Верженн, лейтенант легкой кавалерии Берга, в 1808 г. вынужден был оставить службу по болезни. Вернулся в строй в 1814 г., и снова в отставке с 1824 г. в должности шефа эскадрона.

³⁴ РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 52–53.

³⁵ Гувьон Сен-Сир получил звание маршала 27 августа 1812 г. за победу под Полоцком (17-18 августа), в ходе того сражения был ранен и передвигался по полю боя в коляске. В результате сражения наступление войск генерала Витгенштейна было остановлено, и боевые действия на Петербургском направлении замерли до октября.

терял при этой обороне 18 000–20 000 человек³⁶.

Оставшись слишком слабыми, чтобы вести кампанию самостоятельно, мы начали отход в сторону корпуса маршала Виктора, и, несмотря на русскую армию, мы соединились с ним четыре дня назад. Во время отступления наша дивизия³⁷ участвовала в трех блестящих кавалерийских боях, и много раз мы показали русским, что нас мало, но мы хорошие солдаты. Мы очень пострадали, но прошлое забудется, и останется только одна боль – горькое и прискорбное воспоминание, которое не покинет нас. Мы все скорбим о полковнике Лебрене³⁸, младшем сыне князя архиказначая, молодом человеке огромной смелости, подававшем очень большие надежды.

Целую тебя от всего сердца, А.В.
Из Великой армии

Je reconnoite devoir, trois cent soixante quatre francs à Monsieur de Vergennet capitaine aide de camp du Général de division Doumerc.

Le 4 Novembre 1812.
Baudeville
Capitaine aide de camp³⁹.

Я признаю долг, триста шестьдесят четыре франка, перед господином де Верженном, капитаном, адъютантом дивизионного генерала Думерка.

4 ноября 1812
Бодевиль, капитан, адъютант.

№ 11

Alphonse de Vergennes à sa femme, Gabrielle de Vergennes.

³⁶ Перед началом Второго Полоцкого сражения под началом Сен-Сира находилось 16–18 тыс. солдат, в корпусе Витгенштейна насчитывал около 40000, только 19 октября к Полоцку подошел отряд Штейнгеля, насчитывавший 9000 солдат. В ходе сражения русская армия потеряла около 8 тыс., французы – около 6 тыс. убитыми и 1000 пленными.

³⁷ 3-я дивизия тяжелой кавалерии входила в состав Второго корпуса маршала Удино, особенно отличилась в боях на Березине, что было отмечено в 29-м бюллетене Великой армии.

³⁸ Александр Лебрен, полковник 3-го шеволежерского полка, погиб в бою под Лепелем 26 октября. В кампании 1812 г. участвовал также старший его брат Анн Шарль, адъютант императора Наполеона, получивший накануне начала военных действий чин дивизионного генерала.

³⁹ Эта долговая расписка была приложена к письму А. де Верженна отцу. РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 54.

Oulianovitschi, le 4 novembre [1812].

Il est midi, ma chère et bonne Gabrielle, et cependant je suis obligé de t'écrire à la lumière. C'est te donner une idée du charmant local qui nous sert de quartier général. Nous sommes dans une baraque de paysan depuis avant-hier, et dans ce joli pays les habitants de la campagne sont logés dans des fours à peine ouverts à la lumière du jour. Cependant un général qui commande deux divisions de cavalerie se trouve fort heureux d'y être à abri du froid.

Depuis que nous avons quitté Sollenista dans les environs de Polotsk, il nous est arrivé toute sorte de désagréments ; nous avons été presque continuellement aux prises avec l'ennemi ; dans ces différentes affaires la division s'est parfaitement distinguée, mais elle a beaucoup souffert ; reste à savoir à quoi cela aboutira, je ne sais encore rien.

Je t'ai déjà mandé que j'avais la croix. Cette nouvelle dignité m'a fait le plus grand plaisir et me rattache de nouveau à mon général ; il a mis tant d'obligeance à me remettre le brevet de cette décoration que je n'ai pu m'empêcher d'y être infiniment sensible. J'espère d'ailleurs que je n'en resterai pas là et que la fin de la campagne me donnera une autre épulette. Malheureusement cette guerre ne nous paraît pas encore prête d'être terminée. Ce ne sera rien si nous prenions des quartiers d'hiver, car faire, en ce pays, une campagne dans le mois de janvier, ce doit être une chose pénible.

Je t'embrasse de tout mon cœur. A. V.

Перевод

Альфoнс де Верженн жене, Габриель де Верженн
Ульяновичи 4 ноября

Сейчас полдень, моя дорогая и милая Габриель, но я вынужден писать тебе при свете. Это даст тебе представление об очаровательном помещении, которое служит нам главной квартирой. С позавчера мы расположились в крестьянской лачуге, а в этой милой стране сельские жители живут в печах, едва открытых свету дня. Тем не менее генерал, командующий двумя кавалерийскими дивизиями, был очень счастлив найти здесь убежище от холода.

С тех пор как мы оставили Соленицу в окрестностях Полоцка, с нами случились все возможные неприятности. Мы практически постоянно участвовали в столкновениях с неприятелем, в этих различных делах наша дивизия показала себя великолепно, но очень пострадала, остается узнать, к чему все это приведет,

я еще не имею об этом ни малейшего представления.

Я тебе уже сообщал, что получил крест⁴⁰. Это новое звание доставило мне наивысшее удовольствие и по-новому связало меня с генералом. Он был столь любезен, вручая мне диплом о награждении, что я не мог сдержаться и был чрезвычайно расстроган. Впрочем, я надеюсь, что я здесь не останусь и окончание кампании даст мне новые эполеты. К несчастью, эта война, кажется, еще не собирается заканчиваться. Не будет ничего страшного, если мы остановимся на зимние квартиры, т.к. вести кампанию в этой стране в январе было бы крайне утомительно.

Целую тебя от всего сердца. А.В.

№ 12

Andriot à sa femme.⁴¹

Du bivouac de devant Yasnowo, 4 novembre 1812.

Ma chère amy,

Depuis le 19 octobre que nous somme sortit De Moscou, nous avons toujours bivouqué dans lest bois. C'est que fait, ma chere amy, que j'aie n'a pas pu répondre à trois aimables lettres que j'aie reçut en route. L'on dit que nous salons à Varsovie ; lest chemin est bien long étant obligé d'allait avec nos chevaux. Cest une affaire de cinq semaines encore à bivaque. Nous nous portons bien, moi et M. Crousse ; je souhaite que la présente t'ait trouvé de même.

Tu tacheras de lirre ma l'etre, carre c'est en marchant que j'ai t'ait écri.

Ecrit moy toujours souvent, carre cest une douce consolation que de recevoir en route des nouvelle de ce que lon nat de plus cher au monde.

Tut mescura au pres de mon collegue Moreau de nest pas lui faire réponse, c'est que j'ai reçu sa lettre en route est que nous avons pas un moment temps à nous reconnaître ; tus lui fera bien des compliments qu'ainsit qu'a son épouse. J'ai finit, ma chere amy, en embrasant du plus profond de mon cœeur qu'ainsit que mon fils et j'ai suis pour la vie ton amy,

Andriot.

Перевод

⁴⁰ Альфонс де Верженн награжден крестом Ордена Почетного легиона 25 сентября.

⁴¹ Письмо публикуется в оригинальной орфографии.

Андрио жене

На бивуаке под Ясново, 4 ноября.

Моя дорогая,

После выхода из Москвы 19 октября мы постоянно устраиваем бивуаки в лесу. Поэтому, моя дорогая, я и не мог ответить на три твоих любезных письма, которые я получил, пока был в дороге. Говорят, что мы идем в Варшаву, это очень долгий путь, чтобы проделать его на наших лошадях. Это означает, что еще пять недель мы проведем на бивуаках. Мы держимся хорошо, я и Крус, желаю тебе, чтобы ты сейчас чувствовала себя также.

Тебе будет трудно прочитать мое письмо, т.к. я и писал его во время перехода.

Пиши мне также часто, ведь это такое приятное утешение, получить в дороге известия о том, что всего дороже в мире.

Попроси за меня прощения у моего приятеля Моро за то, что я не отвечаю ему. Это происходит из-за того, что я получил его письмо в дороге и у нас совершенно нет времени для себя. Передавай ему мои наилучшие пожелания, а также и его супруге. Я заканчиваю, моя дорогая, целую тебя от всего сердца, а также моего сына, твой до конца жизни,

Андрио

№ 13

M. de Bausset à sa femme.

Diatchnowo, près Dorogobouje, 4 novembre 1812.

Il m'a été impossible, ma chère femme, de t'écrire depuis notre sortie de Moscou. J'ai été très souffrant de mes douleurs habituelles et, pour surcroît d'ennui, il m'était survenu au troisième doigt de la main droite un vilain panari qui m'a tourmenté beaucoup et qui avait enflé mon bras d'une sotte manière. Tu t'apercevras assez à mon écriture tremblante que c'est le premier usage que je fais du retour de mes facultés. Nous sommes en marche pour reprendre nos cantonnements et pour nous reposer dans un pays moins sauvage et dans un climat moins dur. Il n'y avait rien à gagner à rester au milieu des ruines de Moscou et, en nous reportant du côté de la Lithuanie, nous nous rapprochons de tous nos moyens et de toutes nos ressources. L'Empereur est un peu maigri, mais se porte à merveille.

J'ai éprouvé bien des pertes depuis notre départ de Moscou.

Voilà treize chevaux qui me manquent tant par la négligence de mes gens, entre autres de M. Charles, que par le peu de nourriture qu'il est possible de trouver pour eux. Tout cela ne serait rien, si je me portais bien ; il paraît que ceci sera long et que nous devons nous attendre à un hiver très rigoureux.

Adieu, my dearest femme.

Перевод

Г-н де Боссе жене⁴²

Дачново у Дорогобужа, 4 ноября

У меня не было никакой возможности, моя дорогая, написать тебе после нашего выхода из Москвы. Я очень страдал от своих хронических болей, и в довершение к тому на третьем пальце правой руки у меня возник гадкий грибок, который меня очень мучает, из-за чего моя рука раздулась нелепым образом. Ты легко заметишь по моему дрожащему почерку, что я пишу первый раз после того, как я снова могу писать. Мы идем, чтобы встать на квартиры и отдохнуть в менее дикой стране с не столь тяжелым климатом. Нам незачем было оставаться посреди руин Москвы, перебравшись в Литву, мы окажемся ближе ко всем нашим запасам и всем ресурсам. Император немного похудел, но чувствует себя замечательно.

Я многое потерял со времени нашего выхода из Москвы. Тринадцать лошадей, которых я потерял как по недосмотру моих людей, в том числе г-на Шарля, так и из-за скудного питания, которое здесь можно для них найти. Но все это будет неважно, если я буду себя хорошо чувствовать. Кажется, что все это продлится долго и что мы должны ожидать очень суровой зимы.

Прощай, моя дорогая супруга.

№ 14

Le duc de Vicence à S. E. Madame la duchesse de Montebello, dame d'honneur de S.M. l'Impératrice et Reine, à Saint-Cloud.

Dorogobouje, le 5 novembre [1812].

Madame la Duchesse, nous apprenons que M. le maréchal Saint-Cyr a eu une affaire. M. votre frère a été blessé au bras. L'officier qui

---

⁴² Луи Франсуа Жозеф, барон де Боссе, префект императорского двора и камергер Наполеона. Прибыл в армию 6 сентября 1812 г. за несколько часов до Бородинского сражения и привез императору Наполеону портрет Римского короля.

apporte ces détails ne peut me donner tous ceux que je voudrais vous envoyer pour vous tranquilliser. Il assure qu'il n'y a aucun danger et qu'il l'a vu après l'affaire plein de courage et bien pansé. Si je suis le premier à vous donner cette nouvelle, je remplis un douloureux devoir, car je pense à votre peine et à celle qu'éprouve votre mère. Mais il vaut mieux que les inquiétudes qu'elle aura lui viennent par vous qui saurez si bien les partager.

Comptez sur mon exactitude chaque fois que nous aurons des nouvelles de cette partie et agréez avec bonté, Madame la Duchesse, l'hommage de mes sentiments et de mon respect.

Caulaincourt, duc de Vicence.

La lettre jointe à celle que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser le 11 septembre par un auditeur, m'arrive seulement ; je la remets à l'officier du maréchal Saint-Cyr, qui repart.

Перевод

Герцог Виченский ее превосходительству герцогине Монтебелло⁴³, фрейлине ее величества императрицы и королевы, в Сен-Клу.

Дорогобуж, 5 ноября.

Г-жа герцогиня, мы узнали, что маршал Сен-Сир поучаствовал в деле⁴⁴. Ваш брат⁴⁵ был ранен в руку. Офицер, который привез эти новости, не мог сообщить мне все детали, которые я хотел бы сообщить вам, чтобы вас успокоить. Он уверил меня, что никакой опасности нет и что он видел его после боя в хорошем состоянии духа и хорошо перевязанного. Если я первым сообщаю вам эти новости, то я выполняю скорбный долг, т.к. понимаю ваше горе и страдания, которые испытает ваша мать. Но лучше, чтобы эти тревожные известия сообщили ей вы, т.к. она сможет их с вами разделить.

Рассчитывайте на мою точность, как только у нас будут известия по этой части, и примите, госпожа графиня, уверения в моем глубочайшем почтении.

Коленкур герцог Виченский

⁴³ Вдова маршала Жана Ланна, урожденная Луиза Антуанетта де Геенек (1782–1856).

⁴⁴ Сражение под Полоцком 18-20 октября.

⁴⁵ Барон Шарль Луи Жозеф Геенек, адъютант императора, полковник 26-й дивизии легкой пехоты, получил огнестрельное ранение в руку под Полоцком 20 октября.

Письмо, присоединенное к тому, что вы имели честь отправить мне 11 сентября с аудитором, только что дошло до меня, я передал его офицеру маршала Сен-Сира, который сейчас уезжает.

№ 15

Louis Bro à Madame Bro, au Palais du Corps législatif.
5 novembre 1812.

Par un hasard bien heureux, chère amie, j'ai ce soir pour gîte la maison ou plutôt la hutte d'un paysan. Je suis à l'abri de la neige et du vent et mes doigts vont se dégoûter ; une feuille de mon calepin et mon crayon, voilà de quoi tranquilliser ta pauvre âme souffrante, mais je souffre bien plus de ton inquiétude que de la rigueur de la saison, pauvre chère petite...

Перевод

Луи Бро⁴⁶ мадам Бро⁴⁷ во дворец Законодательного корпуса⁴⁸
5 ноября 1812

Моя дорогая, по счастливому случаю сегодня в качестве жилища у меня сегодня крестьянский дом или, точнее, хижина. Я укрылся от снега и ветра, и мои пальцы отогреваются. Один листок из записной книжки и карандаш – вот что успокоит твою бедную исстрадавшуюся душу. А меня больше беспокоят твои волнения, чем суровая погода, моя бедная дорогая малышка...⁴⁹

№ 16

Le général comte Compans à sa femme.
Dorogobouje, le ... novembre 1812.

Ma chère Louise, j'ai reçu hier avec une extrême joie cinq de tes lettres- Elles ont calmé une double inquiétude que j'éprouvais depuis plusieurs jours, celle d'être sans nouvelles de toi et celle de voir par ta correspondance qu'aucune des lettres, que j'avais écrites après celle du 7 septembre, ne te parvenait ; cette double inquiétude cesse enfin.

Je me rapproche tous les jours de toi et j'espère que cet hiver notre correspondance qui fait tout mon bonheur reprendra toute son activité.

Ma division a combattu plusieurs jours de suite à l'arrière-garde

⁴⁶ Шевалье Луи Бро. Капитан Старой гвардии, шеф эскадрона конных егерей императорской гвардии. В 1832 г. стал генерал-лейтенантом.

⁴⁷ Урожденная Мария Луиза Жозефина де Комере, вышла замуж 14 апреля 1812 г., дочь барона де Комере, майора артиллерии.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 161.

⁴⁹ Далее текст письма очень пострадал и практически не читается.

et toujours avec beaucoup d'ordre et de bravoure ; mais le 2 de ce mois devant Viasma elle prit part à un combat assez sérieux où elle ajouta beaucoup à la gloire qu'elle s'est acquise pendant cette campagne. Le 57e régiment a bien justifié le surnom de «Terrible» que l'Empereur lui donna en Italie. Il s'est fort distingué dans cette campagne ; j'ai été aussi très satisfait des trois autres régiments. Mon artillerie ne m'a rien laissé à désirer ; elle était parfaitement conduite.

Je connaissais déjà l'intérêt que Mme de Lépine avait bien voulu prendre à ma blessure et je t'avais priée d'être auprès d'elle l'interprète de ma gratitude et de tous mes sentiments. On dirait que je me suis donné le mot avec cette aimable dame pour te mettre dans la confiance de ce que nous avons l'un pour l'autre. Réitère-lui que je l'aime bien et que je saisisrai toutes les occasions de le lui témoigner. Je ne m'intéresse pas moins à sa santé qu'elle ne s'est intéressée à ma blessure.

Je conçois que ta famille n'ait pas été moins inquiète que toi sur mon compte, voyant ma correspondance cesser après le 7 septembre. Je conçois aussi qu'elle ait vivement partagé toute ta joie lorsque tu reçus à la fois cinq lettres qui te donnent de mes nouvelles jusqu'au 14. J'aime cette bonne famille autant qu'elle peut m'aimer et j'espère qu'un temps viendra où nous passerons d'heureux jours ensemble.

L'accident d'un de tes beaux yeux n'aura probablement pas de suites fâcheuses, ma chère Louise. C'est ordinairement un mal très passager qu'un coup d'air de cette espèce.

Je vois avec plaisir que ta santé et celle du petit Minique-Napoléon vont bien, ménage-les bien l'une et l'autre.

Je t'écris au bivouac, la neige tombe en ce moment d'une telle force qu'elle m'oblige à finir cette lettre.

Je vous embrasse de cœur et d'âme.

Comte D. Compans.

Перевод

Генерал Компан жене⁵⁰.

Дорогобуж ... ноября 1812⁵¹

Дорогая Луиза, вчера я с огромной радостью получил пять твоих писем. Они уняли двойное беспокойство, которое я испытывал уже несколько дней, из-за того, что не получаю от тебя но-

⁵⁰ В 1811 г. Жан Доминик Компан женился на Луизе Октавии Лекок (ум. 1816), в 1812 у них родился сын Доминик-Наполеон Компан (1812-1847), крестным которого был сам император Наполеон.

⁵¹ РГАДА. Ф. 30. Д. 253. Л. 6, 6об, 6-а. В этом письме генерал Компан не поставил число.

востей, и из-за того, что вижу из твоей корреспонденции, что ни одно мое письмо, из тех, что я писал тебе после 7 сентября, до тебя не дошло. Наконец, это двойное беспокойство рассеялось.

С каждым днем я становлюсь ближе к тебе, и я надеюсь, что этой зимой наша переписка, которая составляет все мое счастье, станет вновь активной.

Моя дивизия сражалась много дней подряд в арьергарде и все еще находится в порядке и полна храбрости. Но 2 [числа] этого месяца под Вязьмой она участвовала в серьезном сражении, где завоевала себе еще славу в дополнение к той, которую она уже снискала в эту кампанию. 57 полк полностью оправдал свое прозвище «Грозный», которое император дал ему в Италии. Он чрезвычайно отличился в этой кампании. Я также полностью удовлетворен тремя другими полками⁵². От моей артиллерии нельзя желать лучшего, она управляется великолепно.

Я уже знаю о том беспокойстве, которое проявила м-м де Лепине, по поводу моего ранения, и поэтому я прошу тебя: вырази ей мою благодарность и мое почтение. Как будто мы договорились с этой милой дамой объяснить тебе, что мы с ней значим друг для друга. Скажи ей еще раз, что я очень дорожу отношениями с ней и пользуюсь любой возможностью засвидетельствовать ей мою любовь. Я также беспокоюсь о ее здоровье, как и она о моей ране.

Понимаю, что твои родные были так же, как и ты обеспокоены моей судьбой, после того как после 7 сентября от меня перестали приходить письма. И понимаю также, что они полностью разделили всю твою радость, когда ты получила сразу пять писем, которые рассказали тебе о моей жизни вплоть до 14 [октября]. Я люблю этих милых людей настолько, насколько они могут любить меня, и надеюсь, что придет время, когда мы будем счастливо жить вместе.

Неприятность, которая случилась с одним из твоих прекрасных глаз, наверное, не будет иметь неприятных последствий, моя дорогая Луиза. Такая беда, как подобная простуда, обычно быстро проходит.

С удовольствием замечаю, что ваше здоровье в порядке, твое и маленького Миник-Наполеона, берегите друг друга.

Пишу тебе на бивуаке, снег сейчас идет столь сильно, что я вынужден закончить это письмо.

⁵² В состав дивизии генерала Компана входили кроме 57 полка – 25-й полковника Дюнесма, 61-й полковника Бужа и 111-й полковника Жюлье.

Обнимаю вас от всего сердца.
Граф Д. Компан.

№ 17

Le comte M. Dumas à sa fille Cornélie, baronne de Saint-Didier.
Au bivouac de Slop-Pneva, près de Smolensk,
le 6 novembre [1812].

Ma chère Cornélie, arrivé de jour au bivouac, blotti sous mes bonnes fourrures dans ma dormeuse, je veux te donner moi-même une preuve du progrès de ma convalescence en répondant à ta lettre du 13 octobre de Boulogne et à celle de Bécheville du 16 que le comte Daru a bien voulu me faire passer tout de suite. Je profite d'abord de la permission que me donne Mme Bellejame de lui répondre par toi qui n'as pas moins bien qu'elle exposé les vues et les désirs de la famille et des amis du jeune Lurieu. Je ne partage pas leur opinion sur la manière d'employer ce jeune homme en le jetant dans une carrière peu avantageuse, obstruée et dans laquelle il ne retirera aucun fruit de l'éducation distinguée qu'il a reçue ; au reste je n'y puis rien absolument ; le refus que m'a fait M. le comte de Cessac de commissionner comme adjoint provisoire, c'est-à-dire de donner un uniforme sans aucune existence au 3e degré inférieur des commissaires des guerres, au jeune Adolphe Lanneau, parce qu'il n'a pas 21 ans, me dispense de toute explication, de toute démarche. A Dieu ne plaise que j'engage les parents de M. de Lurieu à une folie dangereuse et inutile. Ce jeune Adolphe qui m'a donné trois mois d'inquiétudes et de regrets m'a enfin rejoint pendant cette marche au bivouac ; il a soutenu à merveille ces fatigues ; il restera près de moi comme Christian est chez son père. Voilà tout ce que j'ai pu dire ; nous verrons plus tard ; je suis plus embarrassé qu'aidé par tous ces enfants, je ne puis ni ne veux augmenter ce genre de charge et l'exemple d'Adolphe ne saurait servir à personne. Tu remercieras pour moi ma cousine et son mari, et cette pauvre petite victime du *mocha*, de leur bonne amitié et souvenir.

Ton mari n'aura pas manqué de te donner de mes nouvelles ; cette crise a été aussi courte que vive ; je n'avais jamais eu de maladie aiguë, je dois celle-ci à une imprudence dont je devrais depuis longtemps être corrigé. J'avais couru à cheval, je négligeai de changer, en me laissant retenir par des importuns ; j'ai beaucoup souffert à la fois du crachement de sang, du point de côté et d'un vésicatoire qui m'a sauvé, mais qu'on ne pouvait panser. Tu peux juger de l'effet du mouvement de la voiture dans une telle situation, et des inconvénients du bivouac. J'ai été soigné à mer-veille par le Ier médecin de l'armée, le

baron Desgenettes, qui s'est mis dans ma voiture et ne m'a pas quitté. J'ai reçu de tout ce qui m'entoure les plus touchantes preuves d'attachement et des témoignages d'intérêt de tout le monde, mais surtout de mon aimable compagnon le comte Daru et de mon vieux camarade le prince de Neuchatel. Voilà mon enfant toute la vérité ; je vais mieux de jour en jour ; je respire sans ressentir qu'à peine l'impression du point de côté ; j'ai bon appétit ; il ne me faut que quelques jours de repos, et un peu de mouvement pour reprendre des forces. Sois donc tranquille, l'orage est passé.

Je viens d'écrire à M. de France ; je lui envoyé un peu d'argent pour payer mes dettes les plus criardes et servir les intérêts et les charges, tout cela j'arrangerai peu à peu.

Il faut que je te félicite de la décoration accordée par S. M. à Alexandre. J'espère que tu auras eu comme lui le bon esprit d'entendre, quant à la différence des ordres, le changement de système. Il travaille de manière à mériter la place que j'ai déjà sollicitée pour lui, et que je demanderai comme le meilleur prix de mes services personnels.

Dis à ton oncle Edouard qu'enfin Alexandre Romeuf a pu venir pendant cette marche passer quelques moments et pleurer avec moi notre malheureux ami ; je lui ai dit un dernier adieu en traversant le champ de bataille et fixant la maison où je l'embrassai trois heures avant sa mort. Ni son frère ni moi n'avons écrit à personne, fais comprendre cela à ton oncle, j'ai bien pensé à lui dans cette circonstance.

Voilà une terrible production pour un convalescent étendu dans une voiture depuis 17 jours et cependant je ne veux pas terminer cette longue lettre sans te prier de remercier madame Durosnel de son bon souvenir et de toutes ses aimables manières pour nous.

Adieu, ma chère Cornélie, embrasse pour moi le bon papa, ton frère et Armand et Julie. Soyez tranquilles, je suis très bien ; tout va bien.

M. D.

Перевод

Граф Дюма⁵³ дочери Корнелии, баронессе Сен-Дидье⁵⁴
На бивуаке в Слопнево (Slop-Pnev) под Смоленском⁵⁵,
6 ноября

⁵³ Матье граф Дюма (1753–1837), граф империи, дивизионный генерал. В 1812 г. генерал-интендант Великой армии.

⁵⁴ Старшая дочь Матье Дюма – Аделаида Корнелия Сюзанна (1786–1856), жена барона Александра Николая де Сен-Дидье (1778–1850), префекта Дворца, аудитора Государственного совета.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 30. Д. 249. Л. 14-15.

Моя дорогая Корнелия, прибыв днем на бивуак в дормезе, завернутым в хорошие меха, я могу сам предъявить тебе доказательство моего постепенного выздоровления, отвечая на твое письмо от 13 октября из Булони, а также на письмо из Бешевилья⁵⁶ от 16 [октября], которое граф Дарю только что любезно мне передал.

Сперва воспользуюсь разрешением, которое мне дала м-м Бельжам⁵⁷, и передам ей через тебя, что она вполне неплохо представляет интересы и желания семьи и друзей молодого Лурио⁵⁸. Я не разделяю ее точки зрения на то, как [она предлагает] устроить этого молодого человека, предлагая ему службу, не сулящую больших выгод, трудную, на которой он не извлечет никаких выгод от своего выдающегося образования. В остальном я не имею ничего против. Отказ г-на граф де Сессак мне помогать в получении для юного Адольфа Ланно⁵⁹ места временного помощника, то есть с правом ношения формы без какого-либо содержания, военного комиссара 3-й нижней ступени из-за того, что ему еще нет 21 года, избавляет меня от необходимости что-то объяснять и от [дальнейших] хлопот. Дай Бог, чтобы мне удалось убедить родителей г-на Лурио в опасности и бессмысленности их страстного желания. Юный Адольф, который доставил мне три месяца беспокойства и тревог, наконец присоединился ко мне во время перехода к этому бивуаку. Он прекрасно переносит все тяготы и останется при мне, как и Кристиан со своим отцом⁶⁰. Вот и все, что я могу сказать, а позже посмотрим. Я очень занят, чтобы помогать всем этим детям, я не могу и не хочу увеличивать это свое бремя, и случай с Адольфом не должен служить никому примером. Поблагодари от меня мою кузину и ее мужа и эту бедную маленькую жертву [боя на реке] Моча за их доброе отношение и память [обо мне].

Твой муж не забыл рассказать и обо мне. Приступ был сколь краткий, столь и сильный. У меня никогда раньше не было столь острой болезни. Должно быть, я проявил неосторожность здесь,

⁵⁶ Замок Бешевиль в департаменте Ивелин, Иль-де-Франс. Принадлежал графу Дарю.

⁵⁷ Кузина графини Дюма, жены автора письма.

⁵⁸ Франсуа Бенуа Гонин де Лурио, в 1813 закончил Эколь Политехник.

⁵⁹ Регулус Адольф де Ланно, 16 июля 1812 г. был устроен в военное министерство по протекции М. Дюма, впоследствии был мэром 12 округа Парижа.

⁶⁰ Граф Дюма взял Адольфа де Ланно на службу в качестве частного секретаря, поручив ему обучение собственного сына Кристиана-Леона Дюма (1799–1873), впоследствии, адъютант Луи-Филиппа, Командор Ордена Почетного легиона.

[последствия] которой теперь буду еще долго исправлять. Я ездил верхом, забывал переодеваться, позволяя себя задерживать скучными делами. Я очень страдал одновременно от кровохарканья, колик в боку и от нарыва, который меня спас, но который не могли прочистить. Ты можешь догадаться о том, что случилось в результате путешествия в коляске в такой ситуации и неудобств бивуаков. За мной наилучшим образом ухаживал 1-й врач армии, барон Деженетт, который разместился в моей коляске и не покидал меня. Я получил самые трогательные доказательства привязанности от всех, кто меня окружал, и знаки внимания от всех, но особенно от моего дорогого друга графа Дарю и старинного товарища – князя Невшательского⁶¹. Вот, дитя мое, вся правда. С каждым днем мне становится лучше, я дышу, ощущая только небольшую тяжесть в боку. Appetit у меня хороший. Мне нужно только несколько дней отдыха и поменьше переездов, чтобы восстановить свои силы. Так что не беспокойся, опасность миновала.

Я собираюсь написать г-ну де Франсу, я отправляю ему немного денег, чтобы заплатить по моим самым неотложным долгам, процентам и обязательствам, и все потихоньку придет в порядок.

Должен тебя поздравить с орденом, которым Его величество наградил Александра⁶². Надеюсь, что ты, как и он сам, догадаешься подождать нового порядка и изменения системы [службы]. Он достоин получить за свою работу то место, о котором я уже ходатайствовал для него и которое я сочту лучшей наградой за мою собственную службу.

Скажи своему дяде Эдуарду, что Александр Ромеф⁶³, наконец, смог за время этого похода провести со мной несколько минут, чтобы поплакать вместе над судьбой нашего несчастного друга⁶⁴. Я рассказал ему о нашем последнем прощании на поле боя и о том, что запомнил дом, где обнял его за три часа до его кончины. Ни его брат, ни я не писали никому, объясни это твоему дяде, т.к. я не хотел беспокоить его в такой момент.

Таков ужасный итог для быстро выздоравливающего [от путешествия] в коляске в течение 17 дней, и, тем не менее, я не

⁶¹ Александр Бертье, князь Невшательский, и Матье Дюма еще до Революции вместе служили при Генеральном штабе.

⁶² Барона Сен-Дидье, зятя графа Дюма.

⁶³ Жак Александр Ромеф, адъютант Мюрата, генерал-лейтенант неаполитанской армии, в 1814 г. вернулся на службу во французскую армию.

⁶⁴ Барон Жан Луи Ромеф, бригадный генерал, начальник штаба 1-го корпуса, погиб в Бородинском сражении.

хочу завершать это длинное письмо, не попросив тебя поблагодарить мадам Дюронель⁶⁵ за то, что она помнит и любит нас.

Прощай, моя дорогая Каролин, обними за меня дедушку, твоего брата, Армана и Жюли⁶⁶. И будьте спокойны, со мной все хорошо, все идет хорошо.

М.Д.

№ 18

Boniface de Castellane à monsieur le Comte de Castellane, Général de brigade, maître de requête au Conseil d'Etat en son hôtel rue de l'Ariah n 12 fbr St. Honoré. Paris.

Nikolskaia, le 6 novembre [1812], à 3 3/4 de l'après-midi.

Bonjour, mon bon pro, j'espère que vous avez bien dormi. Nous sommes partis ce matin à 8 h. 1/2 de Dorogobouje, avons fait 6 ou 8 lieues, sommes arrivés ici à midi par un assez vilain temps, pas très froid, mais de la neige. La Vigoureuse est crevée hier avant d'arriver à Dorogobouje où j'ai reçu votre excellent n° 88 du 20 octobre et l'excellente lettre de ma tante qui y était jointe. J'ai acheté hier un double konia 46 fr. pour monter un domestique et un autre konia 12 fr. Je suis demain de service. Ordinairement on laisse le 1er à marcher pour attendre l'arrière-garde. Alors il ne rejoint que le lendemain ou deux jours après. C'est ce qui fait que je mettrai cette lettre à l'estafette toute courte qu'elle est, s'il en part une. Fernand et toute ma liste se portent bien à l'exception de Montaigu qui a la fièvre. J'ai vu ce matin Edmond de Périgord en très bonne santé. J'écris dans une chambre où est une partie des officiers de la maison. Le général Durosnel me charge de le rappeler à votre souvenir. Je vous embrasse mille et mille fois.

Nikolskaya, le 7 novembre, vendredi, 11 h. matin.

Bonjour, mon bon pro, j'espère que vous avez bien dormi. Je suis resté ici étant 1er à marcher jusqu'à l'arrivée du maréchal Ney qui fait l'arrière-garde. J'occupe le logement de l'Empereur où le général Marchand vient d'arriver. Je pense que je rejoindrai ce soir le quartier de l'Empereur. Il tombe pas mal de neige, malgré cela le froid n'est pas très vif. Je vais voir mes chevaux. Je vous embrasse mille fois. Mille fois ou meilleur pas plus tendrement de tout mon cœur ainsi que ma

⁶⁵ Жанна Луиза Леклерк-Дюбрыйе, жена генерала графа Дюронеля.

⁶⁶ Имеются в виду: Кристиан Дюма, Арман Андре Аме де Сен-Дидье и его сестра Аделаида Шарлота Жюли.

excellente mère.

Village à 6 lieues de Smolensk, le 8 novembre, samedi, 5 h. de l'après-midi.

Bonjour et bonsoir, nous avons fait 7 lieues aujourd'hui, à cheval et plus à pied, par la neige et le verglas, amusement que j'ai eu toute la nuit ayant été hier à 3 lieues en arrière de Nikolskaya au maréchal Ney. L'Empereur occupait un château près du Dniepr à 7 lieues de Nikolskaya. On avait oublié de placer une garde au pont du Borysthène, de sorte que j'ai dépassé et cherché jusqu'à près de 6 h. du matin. On est parti à 9 heures. Le Wolfs a dû faire à peu près 23 lieues presque sans débrider par un verglas et une neige peu agréable. Nous sommes arrivés ici vers les 2 heures. J'ai fait presque toute la route à pied. Fezensac, que j'ai vu hier, se porte très bien et a reçu hier 2 balles dans sa pelisse. Faites dire de ses nouvelles chez lui. Le pauvre Alexandre Lebrun a été tué du côté de Polotsk. J'en suis fort triste. Je vais prendre part à la conversation de ces messieurs qui sont avec moi dans notre cuisine chambre. Je vous embrasse mille et mille fois.

Smolensk, le 9 novembre, dimanche, 9 h. 1/4 du soir.

Mon bon pro, nous sommes arrivés ici à 2 heures, étant partis à 7 h. avons fait 23 verstes. En arrivant Ayh [arts] m'a appris la perte de l'Anglaise, restée avant-hier sur la route. Je suis désespéré d'avoir perdu, mon bon pro, cet excellent cheval. Je suis décidé à ne point en acheter. Si le Wolfshager vient à manquer, alors j'irai à konia. J'ai aujourd'hui la jouissance du sac, je vais en profiter. Je vous embrasse mille et mille fois.

Smolensk, le 10 novembre, lundi, midi 1/2.

Bonjour, mon bon pro, j'espère que vous avez bien dormi, pour moi je suis bien reposé. Le bon Fernand est bien fatigué et souffre de sa jambe droite. Toute ma liste se porte bien. Les 2 konia achetés à Dorogobouje sont restés en route, on m'en a volé un autre ce matin. Voilà l'état de mon écurie : pour moi le Wolfshager, un cheval double konia pour un domestique, cinq chevaux de voiture. Le seul cheval de suite doit monter Ayharts, Mellon et Malinowski. Un brigadier chasseur à cheval de la garde légèrement blessé que j'avais dans ma voiture a bu tout mon vin et mangé une partie de mon sucre. Ma voiture est au bas de la ville et a bien de la peine à monter. J'y ai envoyé chercher une chemise que je viens de changer. Je vais tâcher d'avoir une paire de bottes, les miennes ont la moitié de la semelle usée par la marche. Augustin m'en a apporté une des siennes dont je me servirai, si je n'en

trouve pas d'autres ; toute ma liste se porte bien, je pense que nous séjournerons demain ici.

Jeudi, 5 3/4 après-midi.

Je viens de dîner, mon bon pro, j'ai vu Fautoas qui m'a chargé de vous prier de dire au duc de Rovigo qu'il se portait bien, avait perdu ses équipages. La Woestine vous prie de dire à Mme de Valence qu'il se porte bien. Anatole de Montesquiou va demain en mission à Paris. J'ai vu après dîner M. Angles, je dois prendre 1.000 fr. ce soir sur les 2.000 restant. Anatole m'a bien promis d'aller vous voir. Je vous embrasse mille et mille fois de tout mon cœur.

Перевод

Бонифаций Каstellан⁶⁷ господину графу де Каstellану⁶⁸, бригадному генералу, докладчику Государственного совета в его отель rue de l'Ариа № 12 предместье Сент-Оноре, Париж⁶⁹

Никольская, 6 ноября в 3 и 3/4 часа после полудня

Здравствуйте, дорогой отец, надеюсь, что вы хорошо спали. Сегодня утром мы вышли в 8 1/2 из Дорогобужа, прошли 6 или 8 лье, прибыли сюда в полдень при довольно мерзкой погоде. Сейчас не холодно, но идет снег. Крепыш околел вчера перед приходом в Дорогобуж, где я получил ваше [замечательное послание за номером] № 88⁷⁰ от 20 октября и замечательное письмо от тети, которое было к нему присоединено. Вчера я купил за 46 франков второго *konia*⁷¹, чтобы посадить на него слугу, и еще одного *konia* за 12 франков. Я завтра дежурный. Обычно первый остается,

⁶⁷ Бонифаций Каstellан (1788-1862), начал службу в день коронации Наполеона 2 декабря 1804 г., участвовал в испанской кампании 1808 г. В 1809 г. отличился при Ваграме. В походе 1812 г. был адъютантом сперва генерала Мутона, а с 3 октября – генерала Нарбонна в чине капитана. Входил в Священный эскадрон, созданный для охраны императора на завершающем этапе кампании. Впоследствии маршал Франции (1852).

⁶⁸ Бонифаций Луи Андре маркиз де Каstellан (1758-1837), отец автора письма, был избран депутатом Генеральных штатов 1789 г. от дворян, одним из первых присоединился к третьему сословию, при Наполеоне занимал различные государственные должности, в 1812 г. сенатор, после 1814 г. присоединился к Бурбонам.

⁶⁹ РГАДА Ф. 30. Д. 267. Л. 130–131 об.

⁷⁰ Свою корреспонденцию Бонифаций Каstellан нумеровал, также как и его отец. Однако на этом письме номера найти не удалось, так как автор явно неоднократно собирался отправить письмо, но по каким-то причинам откладывал этот момент и делал новую запись на оставшемся фрагменте листа. В результате последние две записи расположены на полях, а также вверх ногами и через строчку по отношению к первым, кроме того, в верхнем углу первой страницы письма находится большое чернильное пятно, возможно, именно оно и скрывает этот номер.

⁷¹ Каstellан презрительно называет лошадей, купленных в России *konia*.

чтобы дожидаться арьергарда. Так что он возвращается только на завтра или через два дня. По этой причине я передам это письмо с эстафетой совсем коротким, как оно есть, если она [эстафета] пойдет. Фернан и все мои⁷² чувствуют себя хорошо, за исключением Монтегю⁷³, у которого жар. Сегодня утром видел Эдмона де Перигора в добром здравии. Пишу сейчас в комнате, где расположилась часть офицеров императорской квартиры. Генерал Дюронель⁷⁴ просит меня передать вам поклон. Обнимаю вас тысячу тысяч раз.

Никольская, 7 ноября, пятница, 11 утра.

Здравствуйте, дорогой отец, надеюсь, вы хорошо спали. Я остался здесь в качестве первого дожидаться подхода маршала Нея, [корпус которого] составляет арьергард. Я занял квартиру императора, куда только что прибыл генерал Маршан⁷⁵. Думаю, я сегодня присоединюсь к императорской квартире. Снега выпало немало, однако мороз не очень силен. Пойду проверю своих лошадей. Обнимаю вас тысячу раз. Тысячу раз или лучше еще более нежно, от всего сердца, а также мою милую маму.

Деревня в 6 лье от Смоленска, 8 ноября, суббота, 5 часов после полудня

Доброе утро и добрый вечер, сегодня мы прошли 7 лье верхом, но больше пешком, по снегу и гололеду. Забавно, но я провел всю ночь вчера в 3 лье за Никольским у маршала Нея. Император занимает дворец на берегу Днепра в 7 лье от Никольского. На мосту через Борисфен забыли поставить стражу, поэтому я прошел мимо [императорской квартиры] и искал [ее] почти до 6 утра. А вышел я в 9 утра. Вольф вынужден был пройти почти 23 лье без отдыха по льду и довольно глубокому снегу. Сюда мы прибыли к 2 часам. Я практически всю дорогу прошел пешком. Фезенсак⁷⁶, которого я видел вчера, чувствует себя очень хорошо, и вчера же

⁷² Бонифация Кастеллана во время отступления окружало несколько человек, которым он оказывал помощь. Этих людей, по-видимому, он и именует в письмах *tout ma list*.

⁷³ Огюст Луи Габриель Софи граф де Монтегю, адъютант и камергер императора.

⁷⁴ Антуан Жан Огюст Анри Дюронель (1771-1849), граф империи, дивизионный генерал. В 1812 г. – адъютант императора, возглавлял подразделение гвардейских жандармов, в сентябре 1812 г. назначен военным губернатором Москвы.

⁷⁵ Жан Габриель Маршан (1765-1851), граф империи, дивизионный генерал. В начале кампании 1812 начальник штаба группировки войск под командованием Жерома Бонапарта, с 9 августа командовал вюртембергской пехотной дивизией 3-го корпуса.

⁷⁶ Эмери Фезенсак, 11 сентября 1812 г. назначен полковником 4-го линейного полка.

он получил две пули в шубу. Так он сам сказал. Бедный Александр Лебрэн⁷⁷ убит под Полоцком. Я очень грущу о нем. Сейчас я собираюсь поговорить с господами, которые вместе со мной делают эту кухню. Обнимаю вас тысячу тысяч раз.

Смоленск, 9 ноября, воскресенье 9 и $\frac{1}{4}$ вечера.

Мой дорогой отец, мы прибыли сюда в 2 часа, вышли в 7 и прошли 23 версты. Когда мы прибыли Эйар⁷⁸ сообщил мне о гибели Англичанки⁷⁹, которая позавчера осталась на дороге. Я в отчаянии, мой дорогой отец, что потерял такую замечательную лошадь. Я решил не покупать никакой другой. Если Вольфшаже помрет, тогда я поеду на *konia*. Я сегодня при деньгах и воспользуюсь этим. Обнимаю вас тысячу тысяч раз.

Смоленск, 10 сентября, понедельник, половина первого после полудня.

Здравствуй, дорогой отец, надеюсь, вы хорошо спали, что касается меня, то я отдохнул хорошо. Милый Фернан⁸⁰ очень измучился и страдает от боли в правом колене. Все мои чувствуют себя хорошо. Два *konia*, купленные в Дорогобуже, остались на дороге, еще одного у меня украли сегодня утром. Состояние моей конюшни таково: для меня есть Вольфшаж, одна лошадь и пара *konia* для слуги, пять лошадей для повозки. На единственной лошади для свиты вынуждены ехать Эйар, Меллон и Малиновский. Легко раненный капрал конных егерей гвардии, который едет в моей повозке, выпил все мое вино и съел часть сахара. Моя повозка внизу под городом и едва ли сможет сюда въехать. Я послал туда [слугу] за рубашкой, т.к. ее надо сменить. Я попытаюсь получить пару сапог, т.к. у моих наполовину стерлись подошвы во время перехода. Огюстен дал мне одни из своих, я воспользуюсь ими, если не найду другие. Все мои чувствуют себя хорошо, думаю, мы и завтра останемся тут.

Четверг [13 ноября?] 5 и $\frac{3}{4}$ после полудня.

⁷⁷ Об А. Лебрэне см. примечание к письму А. де Верженна отцу.

⁷⁸ Эйар личный слуга Бонифация Кастеллана с 1805 г. В ходе отступления Эйар попал в плен и вернулся во Францию в 1814 г., после чего жил в семье будущего маршала до глубокой старости.

⁷⁹ Любимая кобыла Бонифация Кастеллана (отца), которую он получил в подарок от королевы Гортензии в 1807 г.

⁸⁰ Фернан де Шабо получил шесть ударов пикой в бою на калужской дороге 18 октября.

Дорогой отец, я только что отобедал, виделся с Фодо⁸¹, который через меня просил вас передать герцогу Ровиго, что у него все в порядке [и что] он потерял свои экипажи. Ла Воэстин⁸² просил вас сообщить мадам де Валанс⁸³, что с ним все в порядке. Анатоль де Монтескье вчера отправился с поручением в Париж⁸⁴. После обеда видел г-на Англе, я должен был взять сегодня вечером 1000 франков из оставшихся 2000. Анатоль мне твердо обещал зайти с вами повидаться. Обнимаю вас тысячу тысяч раз.

№ 19

Sopransy à Guestalle, à Paris.

Le 7 novembre [1812]. Mon cher Guestalle,

Je suis en route pour aller vous rejoindre. J'arriverai demain à Smolensk. Je marche à petites journées dans une bonne berline ; dans vingt jours, environ, je serai en état de prendre la poste. Je me porte à merveille et ma blessure se cicatrise et ma jambe se dégourdit.

Ayez la bonté, mon ami, de faire faire les démarches nécessaires pour que mes journaux me soient adressés à Paris, chez moi ; je n'en ai plus besoin ici. J'ai ceux de l'estafette à 14 jours de date. Je veux commencer une petite bibliothèque. Je vous prie donc de m'acheter tous les ouvrages français et italiens qui sont stérotipés, de les faire relier par un excellent relieur avec une reliure à l'anglaise, c'est-à-dire en joli papier marbré lisse, la tranche jaune. Chaque volume sera relié séparément ; on emploiera différentes espèces de papier marbré lisse. Je veux que le relieur tienne le format le plus grand possible.

Je choisis le stérotipe en papier d'Angoulême. Je crois qu'il y a plus de deux cents volumes stéréotypés ; je veux toute la collection française et italienne. Je désire que les ouvrages se trouvent rangés dans ma bibliothèque quand j'arriverai, c'est-à-dire au 15 décembre.

Je vous embrasse ; écrivez-moi encore

Louis.

Перевод

Сопранси⁸⁵ Гесталу в Париж. 7 ноября 1812.

Дорогой Гестал,

⁸¹ Поль Эжен маркиз де Фодо-Барбазан, шеф эскадрона 9-го гусарского полка.

⁸² Анатоль Шарль Алексис маркиз де Воэстин (1786–1870), капитан, адъютант генерала Горация Себастиани.

⁸³ Его тетья. Мать Анатоля де Воэстина умерла через пять дней после рождения сына.

⁸⁴ Об этом поручении Наполеон объявил в письме к Марии-Луизе еще 11 ноября, однако, А. де Монтескье выехал только 3 декабря. На тот момент Анатоль де Монтескье, сын старшего камергера, был шефом эскадрона и адъютантом маршала Бертье.

⁸⁵ Луи Амбруаз Бартоломи барон Сопранси (1780-1814) полковник 7-го драгунского полка, тяжело ранен в Бородинском сражении. В 1813 г. получил звание бригадного генерала, умер от раны полученной 18 октября 1813 г. под Лейпцигом.

Я нахожусь на пути к вам. Вчера я прибыл в Смоленск. Я передвигался небольшими переходами в хорошей берлине⁸⁶. Еще примерно двадцать дней я смогу получать почту. Я чувствую себя лучше, моя рана затягивается, а нога идет на поправку.

Будьте добры, мой друг, предпримите необходимые меры, чтобы мои газеты приходили на мой адрес в Париже, здесь они мне больше не нужны. Я получил их с эстафетой через 14 дней. Я хочу начать [собирать] маленькую библиотеку. Поэтому прошу вас купить для меня все сочинения на французском и итальянском, которые выйдут, чтобы хороший переплетчик собрал их под английским переплетом, то есть сделанным из красивой гладкой мраморной бумаги с желтым обрезом. Каждый том будет переплетен отдельно с использованием разной гладкой мраморной бумаги. И я хочу, чтобы переплет был наибольшего из возможных форматов.

Я выбираю печать на ангулемской бумаге. Думаю, будет более двухсот печатных томов, я хочу иметь полное французское и итальянское собрание. Я хочу, чтобы работы были расположены по порядку в моей библиотеке уже к моему приезду, то есть к 15 декабря.

Обнимаю вас, пишите.

Луи.

№ 20

Playoult de Bryas, commissaire des guerres, à Madame de Bryas, aux soins de Figuet, contrôleur de la poste aux lettres, à Arras, département du Pas-de-Calais.

Au quartier général de Voniskoe Gorodistche,
le 7 novembre [1812].

Au moment où nous allions monter la voiture, le général Partouneaux et moi, ce matin pour venir ici, un officier d'ordonnance est venu nous annoncer l'arrivée de M. le maréchal duc de Reggio qui passait par le quartier général pour aller rejoindre son corps d'armée qui pendant quelques jours a été fondu dans le nôtre ; peu d'instantes après S. E. arrive et j'en reçus l'accueil le plus flatteur. Si je n'avais pas été prévenu de son arrivée il m'eût été impossible de le reconnaître tellement il est changé ; il déjeuna avec nous ou pour mieux dire dévora quelques morceaux et partit comme un éclair après m'avoir chargé de le rappeler au souvenir de ma famille. Sa blessure le fait encore souffrir, il est même estropié, mais il n'est heureux qu'où on se

⁸⁶ Дорожная карета.

bat et le malheur qui le poursuit ne le dégoûte pas de voler partout où il y a des dangers à courir.

L'espoir que tu avais conçu de nous voir prendre des cantonnements à Vilna ou aux environs ne s'est pas réalisé, car comme tu le vois nous sommes toujours par voies et par chemins ; selon toute apparence cependant nous allons y entrer et c'est cette époque que nous avons fixée, le général Partouneaux et moi, pour solliciter ma rentrée en France. Si nous attendions le retour de la belle saison la chose deviendrait impossible, c'est une faveur qu'on n'obtiendrait pas à l'époque de l'ouverture d'une nouvelle campagne. Il faut donc saisir le moment puisqu'il est favorable. Le général est certain de la réussite, mais si contre toute attente je ne réussissais pas, j'obtiendrais au moins une résidence fixe, ce qui serait doublement avantageux, puisque je serai sûr de la régularité de notre correspondance et que je pourrai là compter sur la rentrée des sommes qui me sont dues, ce que je n'obtiendrais jamais tant que je serai employé dans une division active ; au reste, ce ne serait pas encore là mon compte, car mon unique désir est de me réunir à toi et de servir aussi efficacement l'Empereur que je le fais ici dans une résidence de l'intérieur, puisque ma santé ne me permet pas de le faire aux armées. C'est aussi ce que j'ai l'espoir et la presque certitude d'obtenir.

Depuis longtemps je suis privé de tes nouvelles et cela me contrarie fort, aussi enverrai-je après-demain M. Bouillon que je ferai escorter par quelques-uns de mes hussards porter cette lettre à la poste et chercher les tiennes ; il peut aller et revenir en un jour au grand quartier général et c'est une corvée qu'il fera d'autant plus volontiers qu'il est amateur de savoir ce que le sort lui a réservé. S'il ne l'a pas traité favorablement, toutes mes mesures sont prises pour le servir dans cette circonstance et la chose m'a été d'autant plus facile qu'il s'est fait estimer par sa bonne conduite et par sa sévère probité ; c'est réellement un honnête garçon que je perdrais avec peine et je fais des vœux sincères pour qu'il n'en soit rien.

Depuis quatre jours il neige beaucoup dans ce pays, mais le temps est doux et la neige ne tient pas ; cela n'améliore pas les chemins, mais le moment est venu où il en tombera une grande quantité, alors les communications en traîneau seront faciles et promptes et c'est ainsi que je voudrais voler vers toi. Le général Partouneaux me comble d'amitié et de caresses, nous ne nous quittons plus, sa chambre est la mienne et sa table également, ses blessures le font cruellement souffrir, et si cela continue il lui sera impossible de continuer de faire le dur métier de la guerre.

Bonsoir, chère bonne amie, je te fais mille caresses ainsi qu'à maman et à mes chers enfants.

Перевод

Плейоль де Бриа⁸⁷, военный комиссар, мадам де Бриа, проживающей у Фиге, контролера почт в Аррасе, департамент Падде-Кале.

Главная квартира в Воинском городище, 7 ноября.

В тот момент, когда утром мы, генерал Партуно и я, уже сиделись в коляску, чтобы ехать сюда, прибыл адъютант и сообщил о прибытии маршала, герцога Реджио, который ехал из главной квартиры, чтобы присоединиться к своему корпусу⁸⁸, который уже несколько дней назад растворился в нашем. Через несколько мгновений Его превосходительство пришел сам, и я оказал ему самый теплый прием. Если бы меня не предупредили о его приходе, я не смог бы его узнать, так сильно он изменился. Он позавтракал с нами, а точнее сказать, проглотил несколько кусков и умчался как молния, прежде чем я успел передать ему приветы от моей семьи. Его рана все еще заставляет его страдать, и он даже искалечен, но он счастлив, только когда может драться, и несчастья, которые его преследуют, не мешают ему мчаться туда, где витает опасность.

Надежда, которую ты высказывала, приехать повидаться с нами на зимних квартирах в Вильно или окрестностях, не может быть воплощена в жизнь, поскольку, как ты видишь, мы все время в пути и движении. Тем не менее по всей вероятности мы туда [в Вильно] придем и в тот момент, когда мы остановимся [на зимние квартиры] генерал Партуно и я, я буду просить отпустить меня во Францию. Если мы будем ждать возвращения хорошей погоды [такая поездка] станет невозможной, такую милость никогда не оказывают во время начала новой кампании. Так что надо пользоваться благоприятным моментом. Генерал уверен в успехе, но если

⁸⁷ Мари Жозеф Квентин Плейоль де Бриа, комиссар 12-й пехотной дивизии 9-го армейского корпуса, которой командовал дивизионный генерал Л. Партуно. Большая часть этой дивизии была окружена на Березине и сдалась в плен.

⁸⁸ Никола Удино герцог Реджио (1767–1847) в ходе кампании 1812 г. командовал 2-м армейским корпусом, который действовал на Петербургском направлении. 17 августа маршал получил тяжелое ранение в ходе первого Полоцкого сражения и передал командование Гувьон Сен-Сиру, после чего уехал лечиться. После второго Полоцкого сражения получил приказ императора вновь возглавить корпус. Отличился в битве на Березине.

против всех ожиданий мне не удастся [уехать], я по крайней мере получу постоянное место обитания, что вдвойне хорошо, поскольку я буду уверен в регулярности нашей переписки и потому что я смогу рассчитывать на возврат всех денег, которые мне должны, чего ранее никогда не случалось, поскольку я служу при дивизии, которая активно перемещается. Кроме того, мое место совсем не здесь, поскольку мое единственное желание – соединиться с тобой и служить императору столь эффективно, как я это делал внутри страны, ведь мое здоровье не позволяет мне находиться при армии. Вот на что я тоже надеюсь и практически уверен, что смогу этого добиться.

Вот уже длительное время я не получаю от тебя вестей, и это меня чрезвычайно огорчает, поэтому послезавтра я отправляю г-на Буйона с эскортом из нескольких моих гусар отвезти это письмо на почту и поискать твои. Он может съездить в главную квартиру и вернуться за один день, и это работа, за которую он возьмется тем более охотно, что он любит утверждать, что судьба хранила его. Если она не будет к нему благосклонна, я приложу все усилия, чтобы помочь ему в этих обстоятельствах, и это было бы мне тем более легко, что он своим хорошим поведением и чрезвычайной порядочностью заставил ценить себя. Он действительно честный малый, которого мне было бы больно потерять, и я искренне надеюсь, что с ним ничего не случится.

Уже четыре дня в этой стране идет сильный снег, но погода теплая, и снег не ложится. Это не делает дороги лучше, но придет время, когда он выпадет в огромном количестве, так что будет легко и быстро передвигаться на санях, и вот тогда я хотел бы помчаться к тебе. Генерал Партуно очень добр и ласков со мной, мы больше не расстаемся, его комната теперь моя, а также и стол. Его раны⁸⁹ заставляют его сильно страдать, и, если это продолжится, он не сможет продолжать заниматься нелегким военным ремеслом.

Прощай, моя дорогая, обнимаю тебя тысячу раз, а также маму и моих дорогих детей.

№ 21

Granal a sa femme, Mme Granal, née hagarde, à Montagnac (Hérault).

---

⁸⁹ Генерал Партуно получил тяжелое огнестрельное ранение правого колена в 1793 г. во время атаки на английский редут под Тулоном.

Krasnowi, le 7 novembre 1812.

Ma chère femme, Moscou exista ; Viasma, Dorogobouje, Smolensk, existaient aussi, mais il ne reste de ces villes que les cendres.

L'armée russe a eu la fausse politique d'emmener avec elle les administrations et de donner l'exemple de l'incendie ; nous avons achevé. Elle avait sans doute le but de nous réduire à la famine ; mais Dieu est ici comme tout ailleurs. Jamais campagne n'a offert tant d'horreur ; l'armée se retire de Moscou pour former une ligne, dit-on, à Smolensk. La campagne prochaine (s'ils ne se mettent à la raison) nous irons brûler ou leur faire brûler (s'ils l'osent) Saint-Pétersbourg. Adieu, embrasse nos enfants.

Granal.

Перевод

Граналь⁹⁰ жене м-м Граналь, урожденной Лагард в Монтаньяк (Эро).

Красново (?) 7 ноября 1812 г.

Моя дорогая жена, Москва существовала, также существовали [когда-то] Вязьма, Дорогобуж, Смоленск, но теперь от этих городов остался только пепел.

Русская армия проводила преступную политику: увозила с собой [городских] чиновников и сама подавала пример пожаров, чтобы прикончить нас. Ее целью, без сомнения, было заставить нас голодать, но Бог есть везде, и тут тоже. Никогда еще кампания не приносила столько ужаса. Армия отступила из Москвы, чтобы, как говорят, установить границу в Смоленске. В следующей кампании [если они не образумятся] мы пойдем и сожжем, или заставим их самих (если они осмелятся) сжечь, Санкт-Петербург. Прощай, обними наших детей.

Граналь.

№ 22

Le comte Méjan à sa femme, la comtesse Méjan, rue Neuve-Saint-Marck, n° 8, Paris.

Dorogobouje, le 7 novembre [1812].

Il m'est arrivé un malheur, qui me coûtera bien cher, ma tendre amie. On m'a volé mes meilleurs chevaux et ceux qui me restent ne peuvent plus mettre un pied l'un devant l'autre, de sorte que me voici à pied ou bien près de l'être, puisqu'il ne me reste qu'un seul cheval. Heureusement que si nous n'avons la paix nous aurons un peu

⁹⁰ Филипп Граналь (род. 1770), помощник военного хирурга 53-го линейного полка.

de repos et que je pourrai trouver de quoi réparer cette perte en partie au moins, car je ne suis pas assez riche pour acheter les chevaux qu'il faudrait avoir. Il faudra faire de fières économies pour boucher tous les trous qu'aura faits cette campagne. Adieu, ma bien bonne et tendre amie. Méjan.

Перевод

Граф Межан⁹¹ жене, графине Межан, улица Нов-Сен-Марк, № 8, Париж.

Дорогобуж, 7 ноября 1812 г.

Со мной случилось несчастье, моя дорогая, которое мне очень дорого стоило. У меня украли моих лучших лошадей, а те, которые у меня остались, одна за другой уже не могут сделать и шагу, так что я теперь иду пешком и [нахожусь] на грани существования, поскольку у меня осталась всего только одна лошадь. К счастью, если даже у нас не будет мира, у нас будет небольшой отдых, и тогда я смогу найти способ как вернуть эти потери, хотя бы частично, поскольку я не настолько богат, чтобы покупать таких лошадей, каких нужно иметь. Нужно будет строжайше экономить, чтобы заткнуть все дыры, которые нанесла эта кампании. До свидания, моя дорогая и любимая. Межан.

№ 23⁹²

N... à la comtesse Krasinska, née Radziwill à Paris

Mojaïsk, 28 octobre 1812

Nous allons tranquillement à Smolensk pour prendre nos quartier d'hiver. Le pauvre Kobylinski, aide de camp du maréchal Davout, a reçu un coup de boulet dans le bas-ventre. Avant de mourir, il a pu prier le maréchal de lui accorder une grâce, et il lui demanda de ne pas oublier la Pologne et d'en parler le plus souvent à l'Emperuer.

Перевод

N... графине Красинской, урожденной Радзивил⁹³

⁹¹ Граф Пьер Этьен Межан, государственный советник Итальянского королевства, секретарь штаба вице-короля.

⁹² Остановлено герцогом Бассано в Вильно.

⁹³ Княгиня Мари Радзивил, жена генерала Винсена Корвена, графа Красинского, полковника 1-го полка шевалежеров-улан императорской гвардии, камергера императора.

Можайск, 28 октября 1812 г.

Мы потихоньку движемся к Смоленску, чтобы остановиться там на зимние квартиры. Бедный Кобылинский, адъютант маршала Даву, был ранен ядром в низ живота. Перед смертью он умолял маршала простить его, и он [также] попросил его не забывать о Польше и как можно чаще напоминать о ней императору.

№ 24⁹⁴

Le général Baraguey d'Hilliers à la comtesse Baraguey d'Hilliers, à Montigny, près Tillières (Eure-et-Loir).

Elnia, 31 octobre 1812.

Je t'ai déjà mandé, ma chère amie, mon arrivée à Elnia où se rassemblent les troupes à mes ordres. Il en arrive chaque jour, mais par petits pelotons, et tout réuni ne fait guère qu'une bonne brigade, quant au nombre ; car quant à la qualité, c'est autre chose. Tous ces corps de marche s'exténuent à courir après la Grande Armée sans pouvoir l'attraper. Ils n'ont pas encore tiré un coup de fusil, de sorte qu'ils s'effraient facilement des Cosaques qui font la guerre à la manière des Mameloucks et les entourent en poussant de grands cris. J'espère cependant être bientôt en contact avec le corps de l'Empereur et, par conséquent, débarrassé de ce mauvais commandement qui ne peut jamais devenir ni utile ni honorable. Je l'ai accepté sans murmurer, je le mènerai jusqu'à la fin. Mais il faut convenir que les emplois qu'on me donne ici ne ressemblent guère ni à de la faveur ni même à de la justice.

Depuis ma dernière lettre, j'ai été tranquille. L'ennemi s'est retiré à quatre lieues et se borne à m'observer. Il m'arrive aujourd'hui un vieux corps, et demain je le mettrai en jeu pour étendre mon rayon d'action.

La paix ne paraît pas prochainement probable. Il y aura nécessairement une seconde campagne, parce que l'armée russe est encore nombreuse malgré ses pertes et connaît l'état de la nôtre, et sait très bien que nous ne sommes pas en mesure de faire une campagne d'hiver.

Il faut donc que sous très peu de temps on prenne des quartiers pour quatre à cinq mois, afin de se rapprocher des magasins qui sont sur le Niémen. Je crois que c'est à quoi l'Empereur travaille en ce moment.

Il n'y a pas un soldat dans l'armée qui ne soupire après la fin de cette guerre. Les officiers soupirent encore bien plus. De sorte que, quand l'Empereur voudra exaucer les vœux les plus ardents de son

⁹⁴ Письмо остановлено герцогом Бассано в Вильно.

armée, il fera fermer les portes du temple de Janus. Mais je le connais trop opiniâtre clans ses projets pour croire qu'il les écoute.

Je me trouve toujours dans un grand embarras d'argent. Il m'est dû trois mois de solde, le remboursement de mes frais de voyage, et je n'ai pas un sol d'argent comptant. Cependant j'en aurais grand besoin pour réparer les pertes de mon écurie.

Перевод

Генерал Барагэ д'Ильер⁹⁵ графине Барагэ д'Ильер в Монтиньи (Эр и Луара)
Ельня, 31 октября 1812

Я уже сообщал тебе, дорогая моя, о своем прибытии в Ельню, где собираются подчиненные мне войска. Они подходят сюда каждый день, но небольшими группами, и все они составят в лучшем случае бригаду, в отношении количества, а в отношении качества это совсем другая история. Все эти части истощены быстрыми маршами в направлении Великой армии, не имея возможности ее догнать. Они не сделали еще ни одного ружейного выстрела, так что они легко испугаются казаков, которые воюют как мамелюки, окружают и издают громкие крики. Я надеюсь теперь войти в соприкосновение с корпусом императора и, следовательно, освободиться от этого скверного командования, которое никогда не сможет быть [для меня] ни полезным, ни почетным. Я принял его безропотно и выполню его до конца. Но надо признать, что те должности, на которые меня тут назначают, не подходят ни на милость, ни даже на справедливость.

Со времени моего последнего письма я оставался в покое. Враг отошел на четыре лье и ограничился наблюдением за мной⁹⁶. Ко мне сегодня подошел один из старых корпусов, и завтра я использую его, чтобы расширить мой район действий.

Мир не кажется в скором времени возможным. Необходима будет вторая кампания, поскольку русская армия еще многочисленна, несмотря на свои потери, и знает положение нашей [армии]

⁹⁵ Луи Барагэ д'Ильер (1764–1813), граф империи, дивизионный генерал. Служил под началом Наполеона еще в Итальянской кампании (1796), в ходе Египетского похода участвовал в захвате Мальты, где был взят в плен англичанами. В ходе кампании 1812 г. назначен губернатором Смоленской провинции с центром в Вязьме, затем назначен командиром дивизии, которая формировалась в Смоленске. В бою под Ляхово 9 ноября бригада под командованием генерала Ж. Ожеро из дивизии Барагэ д'Ильера попала в плен. За это генерал был отстранен от командования и отправлен во Францию, где должен был предстать перед судом. Умер в Берлине «от нервной лихорадки».

⁹⁶ Скорее всего, речь идет об отряде генерала В.М. Яшвиля.

и очень хорошо знает, что мы не в состоянии вести зимнюю кампанию.

Необходимо в самое короткое время встать на зимние квартиры на четыре-пять месяцев, чтобы приблизиться к магазинам, которые расположены на Немане. Я думаю, что как раз над этим император сейчас работает.

Во всей армии нет такого солдата, который не желал бы конца этой войны. Офицеры желают его даже еще больше. Поскольку, когда император внемлет наиболее ярким мольбам из его армии, он закрывает ворота в храме Януса. Но я слишком хорошо знаю его отношение к своим проектам, чтобы верить в то, что он прислушается к ним.

Я все еще очень стеснен в деньгах. Мне должны жалование за три месяца, возмещение моих дорожных расходов, и у меня нет ни одного соля наличными. Между тем я очень нуждаюсь в восстановлении потерь в лошадях.

№ 25

Au bivouac en deçà de Smolensk⁹⁷
Le 6 Novembre 1812

Mon cher Christian, ton papa me charge de répondre à la lettre que tu lui as écrite à la date du 17 Octobre. Je remplis cette commission avec bien du plaisir puisqu'elle me donne l'occasion de m'entretenir un moment avec toi et de te donner quelques petits conseils, que tu recevras, je n'en doute pas avec plaisir de celui qui prendra toujours le plus grand intérêt à ton avancement. Je t'engage, mon cher Christian, à bien commencer cette année tu es maintenant, en 4ème c'est une classe où il faut prendre le goût de la latinité et pour cela il faut lire et relire ses auteurs, il faut meubler son cahier d'expression. Il faut enfin travailler pour recueillir à la fin de l'année les récompenses qui sont distribuées aux premiers d'école de classe. J'espère mon cher Christian que tu n'oublieras pas, j'attends des lettres de toi, et ces lettres je veux qu'elles contiennent l'histoire de tes études, je veux être instruit de tes plans, je veux savoir quel jour a été signalé par un bon succès, par une bonne version, je veux savoir quels sont les auteurs que tu expliques en un mot, mon cher Christian, je suis curieux peut être un peu trop, mais je m'engage aussi à te répondre lettre par lettre ; de

⁹⁷ РГАДА Ф. 30. Д. 267. Л. 81-82.

cette manière si nous ne travaillons pas ensemble, si nos leçons ne se font pas de vive voix, elles se feront par lettre et je pourrai du moins reconnaître encore les bontés dont Son excellent père me comble ; je suis ici dans sa voiture, il a la complaisance de me faire écrire auprès de lui, tu voudrais bien sans doute être à ma place, ton tour viendra un jour, mon cher Christian mais il faut finir ce qu'on a commencé, et il faut bien finir.

Adieu, mon cher Christian je t'embrasse de tout mon cœur.

Ton ami⁹⁸

Pour mon fils Christian, que j'embrasse de tout mon cœur s'il est saisi. M⁹⁹.

Перевод

На бивуаке под Смоленском

6 ноября 1812.

Дорогой мой Кристиан, твой папа поручил мне ответить на твое письмо, которое ты ему написал 17 октября. Выполняю это поручение с большим удовольствием, поскольку это дает мне возможность поговорить с тобой немного и дать тебе несколько небольших советов, которые ты, я не сомневаюсь, примешь с удовольствием, от того, кто всегда проявлял наибольший интерес к твоему развитию. Я беру с тебя слово, мой дорогой Кристиан, хорошо начать этот год. Ты теперь уже в четвертом, а это класс, в котором надо привить себе вкус к латинскому языку, а для этого нужно читать и перечитывать авторов, писавших на нем. Надо заполнить свою тетрадь выражениями. Надо, наконец, работать, чтобы получить в конце года награду, которая вручается первому ученику класса. Надеюсь, мой дорогой Кристиан, что ты не забыл, что я жду твоих писем, и я хочу, чтобы эти письма продолжили историю нашего обучения. Я хочу быть осведомленным о твоих планах, хочу знать, в какой день ты получил хорошую отметку, сделал хороший перевод, я хочу знать, каких авторов ты легко пересказываешь. Мой дорогой Кристиан, может быть, я немного слишком любопытен, но в то же время я обещаю отвечать тебе письмом на [каждое твое] письмо. Таким образом, даже если наши занятия не проходят устно, они могли бы идти в письмах, и я смогу, по крайней мере, еще раз отблагодарить за благодеяния, которые оказывает мне Его превосходительство, твой отец.

⁹⁸ Подпись неразборчива.

⁹⁹ Приписка, сделанная на обороте последнего листа этого письма другой рукой. Л. 82об.

Я здесь в его повозке, он сделал мне любезность, позволив мне писать прежде него самого. Ты, без всякого сомнения, хотел бы быть сейчас на моем месте, твой черед придет однажды, мой дорогой Кристиан, но нужно закончить то, что уже начато, и закончить хорошо.

Прощай, мой дорогой Кристиан, обнимаю тебя от всего сердца.

Твой друг...

Моему сыну Кристиану, которого я, если смогу, обнимаю от всего сердца. М.

№ 26

B. Brostaret à son père monsieur Brostaret ancienne Magistrat à Casteljaloux (Loretgaronne)¹⁰⁰

Du bivouac en avant de Viazma

C'est dans une voiture bien close, mon cher papa, que je vous écris. Le froid commence à être vif et nous nous en garantissons le mieux que nous pouvons avec nos pelisses. J'en ai une de femme que j'ai achetée à Moscou. Elle est faite de peau de lapin blanc, doublée d'un taffetas grisâtre et bordée de renard. Nous prenons presque tous les jours nos repas en plein air. Nous fournissons à peu près une 20e en y comprenons les auditeurs. Depuis que nous sommes entrés en campagne nous avons cruellement manqué de provisions et à Moscou nous étions l'abondance. Madame R. a eu la bonté de m'envoyer deux livres de chocolat que je conserve précieusement un cas de batterie. Elle m'annonce dans sa dernière lettre l'envoi d'un grand gilet de laine tricoté, de deux paires de chaussons de laine et d'une autre paire de chausson de linier. Cette excellente amie n'a cessé de l'occuper de moi avec la plus tendre sollicitude quoiqu'elle ait beaucoup souffert d'un abcès qui lui est venu sous le jour gauche. Heureusement qu'elle est maintenant hors de danger quoique la coup du mal l'obsède encore.

Adieu, mon cher papa, je vous embrasse de tous bien tendrement.

B. Brostaret

Ce 3 novembre 1812.

Перевод

Б. Бростаре отцу, г-ну Бростаре, бывшему магистрату Кастельжалу¹⁰¹ (Ло и Гаронна)

¹⁰⁰ Д. 267. Л. 83-84об.

¹⁰¹ Кастельжалу – небольшая коммуна в департаменте Ло и Гаронна на юго-западе Франции в Аквитании.

На бивуаке не доходя Вязьмы.

Я пишу вам, мой дорогой отец, из хорошо закрытой повозки. Мороз становится силен, и мы защищаемся от него наилучшим образом, с помощью наших шуб. У меня есть одна женская, которую я купил в Москве. Она сделана из шкуры белого кролика, подбита серой тафтой и оторочена лисицей. Практически каждый день мы отдыхаем под открытым небом. Нас снабжают примерно на одну двадцатую [от того, что должно быть], как это понимают аудиторы. С тех пор как мы начали кампанию, мы редко испытывали недостаток в продовольствии, а в Москве у нас было изобилие. Мадам R. была столь добра ко мне и прислала два фунта шоколада, который я тщательно храню на случай битвы. В последнем письме она обещала мне выслать большой жилет из вязаной шерсти, две пары шерстяных мягких туфель и еще одну – льняных. Эта замечательная подруга не перестает заботиться обо мне со столь нежным вниманием, хотя она очень страдала от нарыва, который она получила в один несчастный день. К счастью, она теперь вне опасности, хотя приступы боли еще преследуют ее.

Прощайте, мой дорогой отец, обнимаю вас самым нежным образом. Б. Бростаре.

3 ноября 1812.